

«К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России»

Александра Полунова

Отечественную историографию последних десятилетий невозможно представить без биографических исследований. В настоящее время уже не оспаривается то, что понимание русской истории требует не только широких обобщений, но и тщательного изучения поступков и взглядов деятелей прошлого. Поэтому разговор о фундаментальной монографии доктора исторических наук А.Ю. Полунова «К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России» (М: РОССПЭН, 2010) представляется весьма своевременным. Немногие деятели Российской империи оказали столь сильное (и неоднозначное) влияние на её судьбу, как Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). И, к сожалению, мало кому из них посвящены столь обстоятельные и взвешенные труды.

В обсуждении приняли участие доктор исторических наук М.Г. Вандалковская (Институт российской истории РАН) и Н.Ю. Сухова (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет), профессора Пол Верт (Университет штата Невада, Лас Вегас, США) и Вера Шевцова (Департамент религиозных исследований Смит-колледжа, США), кандидаты исторических наук Д.А. Андреев (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), В.В. Ведерников (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет), А.В. Мамонов (журнал «Российская история») и священник Г. Ореханов (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет).

Маргарита Вандалковская: Заметное событие в отечественной историографии

Монография А.Ю. Полунова – глубокое научное исследование, она читается легко и с большим интересом. Имя незаурядного политического деятеля второй половины XIX – начала XX в., влиятельного сановника, обер-прокурора Святейшего Синода, активного участника политической и идейной жизни страны, литератора и публициста Константина Петровича Победоносцева долгие годы по идеологическим мотивам было предано забвению. Начатое Полуновым более 20 лет назад изучение многогранной и разноплановой деятельности Победоносцева чрезвычайно важно для понимания государственной политики той эпохи, её характера и направленности, для определения расстановки сил в противоборстве различных тенденций общественного развития. Существенное значение при исследовании деятельности Победоносцева имеет и выход на решение проблем идеологии, просвещения, культуры, науки и духовной жизни. Весьма актуален и анализ представлений Победоносцева о роли православия, о Церкви и её взаимоотношениях с государством. Избранная автором тема даёт также импульс для разработки малоисследованных вопросов общественного сознания, методов и механизмов властного воздействия на народные массы, особенности ментальности народа и власти.

Авторский анализ историографии и источников отличается высоким профессионализмом. Полунов обстоятельно изучил российскую и зарубежную литературу, учитывает условия и особенности развития отечественной науки в целом и специфику различных его этапов. Так, он критически (и вполне справедливо) относится к появившимся в 1990-х гг. «апологетическим» оценкам деятельности Победоносцева,

не отличающимся подлинно научным подходом. В современных исследованиях автор отмечает положительный поворот к объективному и всестороннему освещению биографии Победоносцева. Содержательно освещены в книге и труды зарубежных учёных (Р. Бирнса, Г. Симона, Г. Фриза, Р. Линднера и др.). Очевидно, что для автора это не просто перечень имён и названий, необходимый для историографического обзора, а ценный опыт предшественников, служащий ориентиром для дальнейшего научного поиска.

В своём исследовании Полунов опирается на значительную источниковую базу, многочисленные как опубликованные, так и архивные материалы (в том числе и новые, впервые введённые в научный оборот документы из фондов Синода). Им изучены сочинения Победоносцева на историко-правовые темы, статьи, посвящённые судебной реформе, общественно-политическим и религиозным вопросам, воспоминания и дневники, обширное эпистолярное наследие Победоносцева, свидетельства современников, включая их многочисленные отзывы на его публикации. Вдумчивое рассмотрение работ отца будущего обер-прокурора – профессора Московского университета П.В. Победоносцева, позволяет автору лучше понять атмосферу, в которой воспитывался наставник последних самодержцев, и выявить психологические особенности его личности.

А.Ю. Полунов впервые в отечественной науке создал комплексное исследование взглядов и многогранной деятельности Победоносцева, раскрытой в книге в тесной и органической связи с эпохой, с задачами, потребностями, самобытными чертами и особенностями российской действительности. Автору удалось показать отношение Победоносцева к самодержавию, ревностным сторонником которого он выступал, его понимание специфики русского государства – опасность бюрократизации, необходимость тесного союза с православной Церковью при сохранении сложившихся социальных традиций общины и патриархальной семьи. Особое внимание в монографии уделено восприятию Победоносцевым идеологии и культуры, ментальности народа, методов воздействия на народное сознание. Всё это убеждает в том, что Победоносцев создал свою идеологическую систему, базировавшуюся на историко-теоретических, философских, духовных и психологических основах, на опыте традиционных российских институтов. Неотъемлемой её частью являлось и неприятие демократии, либеральных свобод и конституционализма.

Не менее скрупулёзно проанализирована автором государственная деятельность Победоносцева: участие в разработке судебной реформы, противодействие проведению либеральных преобразований в 1870–1880-е гг., политика на посту обер-прокурора Св. Синода, направленная на повышение социальной роли Церкви и сдерживание распространения иноверия и инакомыслия. Осмысливая историю восхождения и заката карьеры Победоносцева, Полунов обстоятельно осветил его отношения с представителями разных правительственных группировок и общественными деятелями (особенно со славянофилами). Приёмы общения Победоносцева и его методы воздействия на общественное мнение во многом характеризуют как мировоззрение и идеологию сановника, так и эпоху в целом.

Открывая в своей монографии новые перспективы для изучения многих проблем пореформенного времени, А.Ю. Полунов затрагивает и тему русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в. Консерватизм – явление конкретно-историческое. В каждой стране он различен и связан с особенностями её развития. В России консерватизм имел разные формы, разные оттенки и эволюционировал в своём развитии. Исходные позиции консерватизма предполагали приверженность государственному и церковному началам. Им Победоносцев был верен изначально, и в дальнейшем его консервативный стержень оставался незыблем. Поэтому авторский тезис о его «переходе от реформаторства к консерватизму» в 1860-е гг. (кстати, реформы проводят и консерваторы) не совсем верен (с. 81, 90–91). Под влиянием предреформенной атмосферы, западных идей, образования, пылкости ума и огромного интереса к общественным преобразованиям Победоносцев отдал дань веяниям времени, но и тогда, как отмечает автор, его воззрения не во всём совпадали со взглядами либералов. В целом

же, Победоносцев предстаёт сложной и неоднородной фигурой, без которой невозможно представить процесс становления российского консерватизма. Эволюция этого сложного направления общественной мысли и совмещение в нём консервативных и либеральных элементов, ярко проявившееся в начале XX в. в творчестве П.Б. Струве, В.А. Маклакова, С.Л. Франка, требуют ещё дальнейшего исследования. Монография Полунова способствует осмыслению этого сложного направления общественной мысли и обогащает наши знания о нём.

Владимир Ведерников: Восстановить исчезающий образ

В истории русской общественной мысли и общественного движения, пожалуй, трудно найти такую же сложную, парадоксальную и противоречивую фигуру, как многолетний обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев. Пользуясь репутацией крайнего консерватора, он входил в ближайшее окружение вел. кн. Елены Павловны, дружил с К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, А.Ф. Кони; защитник веры и Церкви, проникнутый искренним религиозным чувством, он воспринимался церковными иерархами как гонитель всего живого; противник бюрократии, он стал символом самодержавной государственности конца XIX в. В реальности фигура Победоносцева не совпадала с карикатурным образом «российского Торквемады», двоилась в сознании современников, особенно тех, кто лично его знал.

На рубеже 1980–1990-х гг., в эпоху крушения прежних ценностей, повысился интерес к идейному наследию К.П. Победоносцева (именно в это время появился целый ряд исследований и публикаций О.Е. Майоровой, А.И. Пешкова, А.В. Репникова, Ю.Г. Степанова, Е.В. Тимошиной, С.Л. Фирсова и др.). И всё же до сих пор, спустя более ста лет со дня его кончины, отношение к Победоносцеву остаётся предельно идеологизированным. Именно поэтому так важно появление подлинно научной биографии, освещающей становление его взглядов, влияние на императоров, государственную политику и положение Церкви в конце XIX – начале XX в. Так что книга А.Ю. Полунова – это не только труд, откликающийся на потребности времени, но и решение чрезвычайно сложной научной задачи.

Автор монографии проявляет предельную осторожность в выводах, предпочитая, не углубляясь в полемику, лишь «уточнять» или «исправлять неточности» своих предшественников. Но при внимательном чтении работы становится ясно, что в книге создан многомерный образ крупного государственного деятеля, и выводы Полунова носят не уточняющий, а новаторский характер. Исследователь отмечает, что мировоззрение Победоносцева пределало заметную эволюцию, которая происходила «не в русле плавного развития изначально выдвинутых принципов, а в форме болезненного отказа от ранее поддерживаемых идей» (с. 61). Странник реформ и противник крепостного права, он включился в подготовку судебных преобразований. Его политическим идеалом была тогда «правомерная монархия» – самодержавие, действующее в гармонии с законом. Полагая, что для достижения этой цели важнее найти людей, а не менять учреждения, Победоносцев был готов ограничиться, во всяком случае, на первом этапе, восстановлением контрольных функций Сената и назначением областных судей с широкими правами, позволяющими провести необходимые изменения, найдя на местах дельных исполнителей. Избегая термина «либерал» применительно к Победоносцеву, Полунов тем не менее характеризует эту программу как реформаторскую, опирающуюся на «типично либеральные аргументы» (с. 62). Но уже «с 1860-х годов» Победоносцев становится противником либеральных принципов. Этому способствовали и разочарования результатами судебной реформы, и «впечатления от социально-политических конфликтов, обрушившихся на Россию после отмены крепостного права» (с. 70). К этому времени он уже был человеком со сложившимся мировоззрением, которое представляло собой «своего рода “бессистемную систему”» (с. 102), никогда не обобщавшуюся им в единое целое, но отразившуюся в его публицистике, научных трудах и переписке.

Как пишет автор, Победоносцев исходил из того, что власть в своих действиях опирается на некий «народный дух», хранителем которого выступает простой народ, обладающий цельным, непротиворечивым восприятием мира, не поддающимся систематизации и вербализации. Любая рефлексия грозит разрушить это мирозерцание, тогда как власть должна сохранять его, покровительствуя простым людям. Российское самодержавие, пронизанное чувством долга и служения, находится в живом общении с народом при помощи доверенных (и желательно – неофициальных, не связанных бюрократическими формами) советников царя. Таким образом, Победоносцев, претендовавший на роль ближайшего из них, видел в себе не фаворита-временщика, а бескорыстного защитника народных (и одновременно – государственных) интересов. Это «небюрократическое самодержавие» (с. 119) заведомо не вписывалось в жёсткие формальные рамки государственного управления, и неудивительно, что российская бюрократия находила в лице Победоносцева не менее сурового критика, чем в рядах либералов и радикалов. Единственным ограничителем власти (и тут он следовал за Н.М. Карамзиным) оставались религия и Церковь, являвшаяся также носителем национального самосознания русского народа. Резкая враждебность Победоносцева к любым парламентским формам объясняется тем, что враждующие между собою партийные группировки, борясь за своекорыстные интересы, разрушают органичное единство народа и власти. Не отрицая существования социальных противоречий, Победоносцев полагал, что их можно регулировать, сохраняя традиционную сословную структуру общества. При этом сословия, в его понимании, должны были различаться не столько привилегиями, сколько функциями. Идеальной моделью социального устройства Победоносцев считал систему французского социолога Ф. Ле Пле.

Эту по-своему цельную «систему» Победоносцев стремился воплотить в жизнь в царствование Александра III. Однако, как убедительно показано в книге, идея «небюрократического самодержавия», абсолютизовавшая «живую жизнь», как раз об эту жизнь и разбивалась. Вмешательство Победоносцева в сферы, далёкие от его ведомственных обязанностей, вносило дезорганизацию в работу административной машины, люди, которым он покровительствовал, оказывались некомпетентны (как это случилось с начальником Главного управления по делам печати М.П. Соловьёвым) или, того хуже, ставили страну на грань международных конфликтов (пример тому – деятельность самозванного казачьего атамана Н.И. Ашинова). Именно поэтому его влияние к концу царствования Александра III неуклонно снижалось. К тому же, как постоянно подчёркивает Полунов, Победоносцеву, несмотря на все старания, так и не удалось стать единственным идеологом самодержавия. На эту же роль небезуспешно претендовали М.Н. Катков, а после его смерти – кн. В.П. Мещерский, Т.И. Филиппов. В годы Первой русской революции Победоносцев окончательно утратил способность воздействовать на внутреннюю политику, оставшись в глазах современников символом ушедшего в прошлое самодержавного режима.

Таким образом, А.Ю. Полунов проанализировал механизмы влияния обер-прокурора Св. Синода на внутреннюю политику, указал на те приоритетные сферы (помимо церковных дел), которые русский консерватор стремился удерживать под особым контролем. Новизну работе придает и то, что мировоззрение Победоносцева рассматривается в контексте развития общественной мысли в Западной Европе.

Исследователь убедительно доказал, что позиции К.П. Победоносцева с годами менялись, наметил этапы и указал направление этой эволюции. Но когда же сторонник либеральных судебных преобразований перестал надеяться на реформы и превратился в консерватора? Когда начинаются те «шестидесятые годы», в которые у него произошёл мировоззренческий перелом? Полунов обращает внимание на «нарастание консервативных тенденций», отразившееся в записке Победоносцева о гражданском судопроизводстве (декабрь 1861 г.), приводит дневниковую запись с положительным упоминанием о Николае I (октябрь 1862 г.), наконец, констатирует, что к моменту издания судебных уставов Победоносцев был «вполне определённым противником их основных положений» и в письме А.Ф. Тютчевой в ноябре 1864 г. «критиковал преоб-

разования» (с. 66–68). По мнению автора, консервативные настроения постепенно стали усиливаться у Победоносцева под впечатлением от действий инсургентов в Польше и демаршей леворадикальных групп. Но восстание 1863 г. и деятельность радикалов осуждало и подавляющее большинство либералов. Положительная оценка Николая I в дневнике была связана с эмоциональным рассказом А.Ф. Тютчевой о последних днях жизни императора¹. Разногласия же Победоносцева с составителями Судебных уставов, как свидетельствует их анализ, проведённый автором книги, касались не фундаментальных положений (гласность, независимость, состязательность процесса), а способов их воплощения. Опасаясь, что реформа останется на бумаге, поскольку не найдётся людей, способных осуществить её принципы на деле, он считал целесообразным сосредоточить силы в нескольких (прежде всего столичных) судебных округах, с тем, чтобы затем постепенно распространять новые порядки на другие губернии. Возможно, ориентация на английскую систему суда присяжных, в противовес системе французской, носила более консервативный характер, но ведь в ней можно увидеть и стремление учесть низкий уровень правовой культуры населения.

Скептическое отношение к конституционным учреждениям также не являлось тогда признаком консерватизма. Введение конституции в условиях почти поголовной неграмотности народа считали опасным и такие реформаторы, как Н.А. и Д.А. Милютины, и авторитетные либеральные публицисты 1860–1880-х гг. (А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин). Тесные связи Победоносцева с салоном вел. кн. Елены Павловны, его дружба с К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, С.М. Соловьёвым скорее указывают на то, что консервативные тенденции в его мировоззрении если и наметились, то ещё не стали преобладающими. С большим основанием можно говорить о консерватизме Победоносцева начиная с конца 1860-х годов, когда он сблизился с кружком кн. В.П. Мещерского. В 1873–1875 гг. Победоносцев выступал с критикой реформ на страницах еженедельника «Гражданин». Именно в это время его особенно беспокоило стремительное распространение агрессивной секулярной идеологии в странах Западной Европы.

Соглашусь с автором, что в период русско-турецкой войны и кризиса власти позиция Победоносцева претерпела «определённую эволюцию». Судя по тексту книги, она заключалась в требовании жёсткой власти, ставке не на «учреждения», а на людей, решительных, смелых, готовых взять на себя ответственность. Но что же здесь нового? Эти же идеи Победоносцев высказывал и в 1860-е годы. На мой взгляд, принципиально новым являлось другое. Теперь, в отличие от 1870-х годов, Победоносцев всё чаще усматривал причину бед России во враждебных действиях внешних сил. С польской интригой он связывал деятельность революционного подполья, в еврейском заговоре искал источник финансовых затруднений.

Для понимания мировоззрения Победоносцева крайне важно выяснить его взгляд на взаимоотношения России и Европы. В 1856 г. он не отрицал принципиальное единство их исторического пути (с. 62). Поэтому несколько неожиданно звучат слова Полунова о том, что Победоносцев был убеждён в «различии между Россией и Западом – различии, которое делало весьма проблематичным пересадку западных общественных форм на российскую почву» (с. 95). Разумеется, Победоносцев не мог игнорировать серьёзные различия между Россией и европейскими странами. Вопрос в другом: являлась ли для него Россия, при всём её своеобразии, частью европейского мира, как утверждали западники, или же он, как славянофилы и Н.Я. Данилевский, видел в ней уникальную цивилизацию (культурно-исторический тип), не имеющую с Западом ничего общего? Как показали исследования А.Ю. Полунова и Ю.Г. Степанова, представления Победоносцева об истории вполне соответствовали установкам «государственной школы»². Признавая особенности исторического развития России, он никогда не рассуждал о её особой миссии, не говорил о «святой Руси», напротив, постоянно сетовал на скудость,

¹ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 26 об.

² Степанов Ю.Г. К.П. Победоносцев как историк крепостного права // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, учёный, человек. СПб., 2007. С. 18–27.

бедность и отсталость страны. Община, обычно служившая основой разнообразных построений, доказывающих российскую самобытность, воспринималась Победоносцевым как историческое явление, которое со временем должно исчезнуть (с. 100). Европейские представительные учреждения рассматривались им как безусловное зло. Однако сам парламентаризм, по мнению Победоносцева, был ограничен только в Великобритании и США, тогда как другие народы механически заимствовали его под влиянием философии Просвещения. Между тем, не имея глубоких корней, парламентаризм непременно вырождается или в анархическое безвластие, или в диктатуру. Поэтому отсталость России и сохранение в ней патриархальных отношений между властью и народом казались ему благом, так как давали надежду «перескочить» фазу парламентаризма, уже дискредитировавшую себя на европейском континенте (в этом, как ни странно, можно обнаружить сходство подходов К.П. Победоносцева и П.Н. Ткачёва).

С конца 1860-х гг. принадлежность Победоносцева к консерваторам уже не вызывает сомнений. Но как определить его место в ряду консервативных мыслителей? По мнению Полунова, консервативное мировоззрение Победоносцева было укоренено в традиционном укладе дореформенной Москвы, что и определило его тяготение «к охранительной идеологии» (с. 48–49). По-видимому, традиционализм, консерватизм и охранительство рассматриваются при этом как синонимы, с чем нельзя согласиться. Сложность положения идеологов русского пореформенного консерватизма заключалась в том, что консервативные ценности не были очевидны, их ещё требовалось выявить. Победоносцев был, пожалуй, одним из немногих, кто утверждал, что православная вера и Церковь являются тем формообразующим ядром, которое объединяет русский народ. Кроме того, только Церковь могла воспитать человека, проникнутого сознанием долга, далёкого от корыстных мотивов. Поэтому на сакраментальный русский вопрос «что делать?» Победоносцев давал предельно ясный ответ: молиться! И этот ответ не представлялся ему ни странным, ни парадоксальным. Церковно-общественные вопросы определяли и его программу действий. Как справедливо указывает Полунов, она заключалась в охране традиционной народной религиозности, в создании на селе альтернативы светскому образованию в виде церковно-приходских школ и школ грамоты, а также в противодействии другим идейным течениям, что требовало ужесточения контроля за печатью. Всё это – инструменты для формирования «нового» или, скорее, иного человека, без которого любые преобразования (реформистские ли или носящие характер контрреформ) были бесполезны. Отсюда, начиная с 1870-х гг., и вытекало противодействие Победоносцева любым преобразованиям. Он с юных лет был горячим противником крепостного права и, конечно, не помышлял о возврате к дореформенному строю, однако продолжение преобразований казалось ему опасным для традиционных устоев общества. «Не только не творец; он даже не реакционер, – писал о нём К.Н. Леонтьев, – не восстановитель, не реставратор»³. Иными словами, сущность позиции Победоносцева составляло именно «охранительство».

Полунов справедливо отмечает, что «своеобразие личности, индивидуальной психологии заслуживают самого пристального внимания при анализе деятельности любого политика, поскольку неизбежно накладывают глубокую печать на его официальные начинания». На Победоносцева, безусловно, повлияло пребывание в стенах Училища правоведения, которое было создано с целью обновить личный состав судебного ведомства, воспитать для него достойных людей, чуждых бюрократического формализма, крючкотворства и взяточничества. Именно эти идеалы вдохновляли Победоносцева в первые годы службы. Вокруг него сложился тогда «кружок молодых людей, одушевлённых благородным стремлением возвысить служебную деятельность и обратить её к целям добра и правды»⁴. Не с этим ли опытом было связано его твёрдое убеждение в том, что дело не в «учреждениях», а в «людях»?

³ Памяти К.Н. Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 124.

⁴ *Победоносцев К.П.* «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин». 1873–1876. Письма. СПб., 2010. С. 279.

«С именем г. Победоносцева, — писали авторы злого памфлета, появившегося в 1907 г., — в воображении русского человека сливается представление такой прямолинейности, определённости, жестокой, именно гранитной устойчивости, что — казалось бы, — с этим наглядным и осязательным, недвижимым материалом — труды невелики и возня недолгая: наставил фотографический аппарат — хлоп — и снимок готов. Но тут-то и начинает Победоносцев озадачивать своего изобразителя. Проявляешь негатив, а на нём — вместо ожидаемой прямолинейно-гранитной фигуры — ничего... Пустое пространство, даже без мутных пятен, какие получают спириты, фотографируя материализованные призраки»⁵. Пользуясь этой метафорой, можно сказать, что в руках у исследователя оказался старинный дагерротип со следами копоти и механических повреждений, на котором почти не просматривалось изображение. Благодаря упорному кропотливому труду удалось очистить многолетние наслоения, а отдельные смутные пятна составили внятные очертания. Прделана большая и очень важная работа, но реставрация снимка ещё не закончена.

Пол Верт: Противоречия и нюансы судьбы русского консерватора

Ещё до появления «политической биографии» К.П. Победоносцева Александр Полунов был известен как один из ведущих исследователей взглядов и деятельности знаменитого русского консерватора. Новое глубокое, содержательное, хорошо написанное исследование, подтвердившее репутацию, будет полезно всем, кто интересуется политической и социальной историей позднеимперской России. Можно с уверенностью сказать, что в дальнейшем ни одна работа, посвящённая жизненному пути Победоносцева и эволюции российского консерватизма не обойдётся без обращения к данной монографии. Автор её опирается прежде всего на многочисленные опубликованные и неопубликованные письма Победоносцева. Пристально анализируются также его статьи, появившиеся в 1873–1874 гг. на страницах газеты «Гражданин»⁶, и знаменитый «Московский сборник» (1896 г.), представлявший, по словам Полунова, «квинтэссенцию воззрений» Победоносцева. При анализе национально-религиозной политики конца XIX в. автор использует и материалы канцелярии обер-прокурора Св. Синода (впрочем, круг этих документов можно было бы существенно расширить).

Во многих отношениях Победоносцев предстаёт в книге Полунова типичным консерватором: пессимист, скептически оценивающий возможности разума и свойства человеческой природы, он с недоверием относился к формальным институтам, отличался глубокой религиозностью, был предан патриархальным семейным ценностям. Однако консервативная идеология в XIX в. не отличалась монолитностью, и Победоносцев, как показывает автор монографии, стоял «на скрещении» различных направлений консерватизма, разделяя одни их идеи и отвергая другие. Так, сходясь со славянофилами в их восхищении «простым народом» и стремлении продвигать «русские начала» в национальной политике, он решительно отвергал славянофильскую критику Петра Великого и веру в крестьянскую общину, смущали его и их настойчивые требования «неполитических» свобод, включая свободу совести. Но, не будучи славянофилом, Победоносцев не был и твёрдым сторонником бюрократического консерватизма (несмотря на многие годы службы в государственном аппарате). Он весьма критически относился к приказному, канцелярскому судопроизводству и видел в ряде проектов судебной реформы конца 1850-х гг. «обычное пренебрежение бюрократии к истинным чувствам народа» (с. 63). К «бюрократии» и «чиновничеству» российский консерватор относился почти так же враждебно, как к «либералам» и «интеллигенции». Наконец,

⁵ Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев // Победоносцев: Pro et contra. СПб., 1996. С. 317.

⁶ Почти одновременно с выходом в свет книги А.Ю. Полунова они были переизданы В.В. Ведерниковым: *Победоносцев К.П.* «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин». 1873–1876. Письма. СПб., 2010.

вопреки утверждениям многих советских учёных, он не был и защитником сословных прав дворянства (помимо всего прочего, сам он происходил из семьи, тесно связанной своими корнями с духовным сословием). Он изо всех сил поддерживал идеал «правомерной» самодержавной монархии, «стоящей над сословиями и открывающей путь наверх тем, кто выделялся образованием, а не знатностью рода» (с. 49). Именно этот идеал побудил будущего обер-прокурора Св. Синода заняться изучением права, а впоследствии принять активное участие в подготовке судебной реформы 1864 г. На протяжении всей книги Полунов настойчиво обращает внимание на индивидуальные черты и своеобразие консерватизма Победоносцева, который, «не солидаризуясь до конца ни с одним его течением, частично примыкал к каждому из них» (с. 151).

Консерватизм Победоносцева отличался не только своеобразным, но и глубоко противоречивым характером. Например, его антидемократизм парадоксальным образом «опирался на своего рода жалость к “простому народу”» (с. 114). Противоречия, присущие мировоззрению Победоносцева, проявлялись и в его руководстве духовным ведомством. «Настороженно относясь к любой независимой инициативе, – пишет Полунов, – он должен был налагать всё более жестокие ограничения даже на деятельность духовно близких ему деятелей». Между тем подобная политика в конечном счёте «противоречила планам самого Победоносцева» (с. 238–239). Несмотря на неприязнь Константина Петровича к бюрократическим формальностям, его деятельность на посту обер-прокурора Св. Синода со временем «всё больше стала сворачивать в привычную колею жёсткого бюрократического надзора за Церковью» (с. 344). Однако Полунов не просто перечисляет присущие Победоносцеву парадоксы, но и стремится выявить стоящую за ними логику, без понимания которой действия обер-прокурора показались бы непоследовательными и просто необъяснимыми. Победоносцев, по мнению Полунова, был убеждён в своём особом призвании говорить императору правду, а также в том, что «именно он – в силу своего происхождения, воспитания, личной религиозности – едва ли не единственный в верхах способен правильно понять настроения и требования “простого народа”» (с. 121–122). Другая важнейшая особенность воззрений Победоносцева состояла в том, что он делал акцент на «личностном факторе», считая его более значимым, чем формальные институты. Это объясняло многие кажущиеся противоречия в его взглядах и деятельности, например, его скептическое отношение к контрреформам.

С особым вниманием Полунов определяет степень влияния Победоносцева и его политический вес в правительстве. В историографии обер-прокурор Св. Синода нередко предстаёт всемогущим сановником, воздействовавшим на самые разные сферы государственного управления. Полунов не отрицает, что временами это так и было, однако периоды его доминирования в правящих кругах ограничивались двумя относительно короткими отрезками времени (первая половина правления Александра III и около двух лет в начале царствования Николая II). Особенно важным для политической карьеры Победоносцева был кризис самодержавия 1878–1881 гг., способствовавший укреплению его связи с цесаревичем. Разойдясь к началу 1881 г. во взглядах с М.Т. Лорис-Меликовым, обер-прокурор Св. Синода сыграл решающую роль в подготовке манифеста 29 апреля 1881 г., знаменовавшего как его личную победу, так и отказ императора от введения каких-либо представительных институтов. Доверие, которое царь в это время оказывал Константину Петровичу, было «практически безграничным» (с. 186).

Полунов успешно пытается раскрыть характер и природу того влияния, которым пользовался Победоносцев. Некоторые историки видели в нём «неформального премьер-министра», «канцлера» или даже «визирия», что, по мнению Полунова, «не совсем верно», поскольку обер-прокурор Св. Синода проявлял интерес преимущественно к «ведомствам и учреждениям, связанным с вопросами идеологии и духовной жизни» (с. 222). Как показано в книге, в начале 1880-х гг. Победоносцев действительно намеревался непосредственно направлять деятельность сановников, выдвинутых им на ответственные посты. Но вскоре выяснилось, что одна лишь «нравственная власть», на которую он собирался опираться, не способна обеспечить единство правительства.

Так, Победоносцев приложил максимум усилий, чтобы подчинить своей воле министра народного просвещения И.Д. Делянова. Однако сопротивление чиновников этого министерства «было настолько мощным, что его не смог сломить даже министр» (с. 212). Положение обер-прокурора Св. Синода в известной мере также зависело от действий других лиц, пользовавшихся расположением Александра III (например, Д.А. Толстого и М.Н. Каткова). Наконец, немалую роль играло и то, что консервативные журналисты (кн. В.П. Мещерский и др.), почувствовав вкус к власти, всё активнее вмешивались в дела правительства и постепенно «подрывали политическое влияние самого Победоносцева» (с. 206). Между тем стремление бывшего учителя Александра III выступать в роли «наставника общества» привело его к столкновению с такими фигурами, как Л.Н. Толстой и В.С. Соловьёв. Отстаивая интересы духовного ведомства, Победоносцев сталкивался с сопротивлением и открытым недовольством светской бюрократии как в центре, так и на местах, что «стало существенным препятствием для реализации планов обер-прокурора» (с. 226).

Полунов тщательно исследует процесс ослабления позиций Победоносцева во второй половине 1880-х гг., указывая на серию кризисов, подорвавших его авторитет. Определённую роль в изменении положения главы духовного ведомства сыграли и личностные конфликты (в частности, с императрицей Марией Фёдоровной), но главным фактором стало его расхождение во взглядах с другими консерваторами. За исключением пересмотра Судебных уставов 1864 г., он с недоверием относился к контрреформам и планам консерваторов-бюрократов. Во второй половине 1880-х гг. Александр III постепенно перестал прислушиваться к советам Победоносцева, и к концу десятилетия ему, по словам Полунова, стало ясно, «что дни его политического влияния сочтены» (с. 293). Тем не менее в начале царствования Николая II он сохранял свой пост, а в 1895–1896 гг. даже, казалось, вернул себе былое значение. Однако молодой император видел в нём преимущественно противовес реальным и потенциальным либеральным тенденциям в правительственных сферах.

Полунов отмечает неудачу большинства начинаний Победоносцева. К примеру, отношения с епископами у него так и не сложились. Если в начале 1880-х гг. они приветствовали назначение Константина Петровича на пост синодального обер-прокурора, то со временем их всё больше раздражала его назойливая опека. Разногласия между обер-прокурором и епископами, «регулярно повторяясь, свидетельствовали о том, что ситуация в сфере управления духовным ведомством неуклонно заходит в тупик» (с. 252). Жёсткие меры, направленные против иноверцев и инославных, также нельзя было назвать успешными. По словам Полунова, «пытаясь преодолеть пассивность светской власти, сломить сопротивление судебного ведомства, обер-прокурор втягивался в бесконечные межведомственные войны, допускал нарушение начал законности, расшатывая тем самым механизм управления» (с. 265). Фактически «проводимая Победоносцевым политика подрывала основы, на которых зиждилась Россия как имперское государство» (с. 279). В ряде случаев он и сам признавал её несостоятельность (с. 277). В царствование Николая II многие из принципов, которыми руководствовался Победоносцев, «подверглись испытанию на прочность и, как правило, этого испытания не выдержали» (с. 307). Даже публикация «Московского сборника», вызвавшая заметный интерес в России и за рубежом, «не принесла ожидаемого эффекта» (с. 318).

Полунов отнюдь не подвергает тотальному пересмотру сложившуюся в историографии оценку деятельности Победоносцева. Цель автора книги – сделать её более точной, выявить нюансы, учесть при характеристике его поступков и взглядов неизвестные ранее детали и оттенки. При этом Полунов нередко опирается на выводы своих предшественников (в частности, Р. Бирнса и Г. Симона). Знакома читателя с выводами других учёных, он зачастую лишь замечает, что то или иное умозаключение «представляется не совсем точным» (с. 159, 238).

Вместе с тем в книге Полунова, в отличие от исследований советского времени, Победоносцев представлен с явным сочувствием. Конечно, в ней перечислены все недостатки его государственной деятельности, но автор всё же воздерживается от од-

нозначных оценок и не стремится демонстративно дистанцироваться, как это сделал в наиболее фундаментальной англоязычной биографии Победоносцева Р. Бирнс, утверждавший, что «в любом обществе лишь немногие ответственные люди поддержали бы его политику или во многом согласились бы с его взглядами»⁷. Разумеется, Полунов не разделяет позиции обер-прокурора, но не всегда и порицает их. С одной стороны, в этом проявляется беспристрастность, к которой должен стремиться каждый историк. С другой, – можно предположить, что кто-то усмотрит в книге чрезмерную симпатию к Победоносцеву и даже в какой-то степени попытку его реабилитировать. В этой связи не следует забывать, что на нём лежит немалая доля ответственности за крах «старого режима». Конечно, катастрофу такого масштаба нельзя ставить в вину какой-либо отдельной личности. Однако, учитывая, что глава духовного ведомства был одним из тех, кто сорвал попытку реализации умеренных политических реформ в 1881 г., его роль в создании условий для гибели империи следовало бы рассмотреть подробнее. Интересно было бы также узнать, могла ли на базе победоносцевских взглядов возникнуть жизнеспособная консервативная идеология или они изначально были устаревшими и обречёнными на поражение? Для ответа на данный вопрос автору, конечно, пришлось бы вписать мировоззрение Победоносцева в более широкий исторический контекст и показать, как материалы его монографии соотносятся с выводами исследований, посвящённых истории российского консерватизма. Всё же судьба любого исторического деятеля интересна прежде всего в сопоставлении с ключевыми событиями и процессами своего времени, тогда как Полунов сосредоточился почти исключительно на личности Победоносцева. Тем не менее не подлежит сомнению, что данная монография вносит значительный вклад в изучение консерватизма XIX в. и истории поздней Российской империи.

Священник Георгий Ореханов: Делая народ эталоном веры, Победоносцев в чём-то был очень далёк от веры народа

Монография А.Ю. Полунова, вне всякого сомнения, станет надёжным фундаментом дальнейших исследований, посвящённых изучению личности и политики К.П. Победоносцева. В ней создан убедительный и достоверный портрет выдающегося русского государственного деятеля. Анализируя многообразные аспекты его биографии, автор обращает внимание и на особый интерес обер-прокурора Св. Синода к культурной жизни России. При этом, как полагает Полунов, «критерии, которыми руководствовался Победоносцев при оценке художественных произведений, отнюдь не носили формально-бюрократического характера»: «Творение художника, писателя, поэта, драматурга должно было не просто вписываться в рамки политической лояльности, но и выполнять определённую назидательную, педагогическую функцию» (с. 216–217). Из этой характеристики невольно складывается впечатление, что Победоносцев был своеобразным культуртрегером и моралистом, игнорировавшим собственно художественные аспекты творчества. В реальности же дело обстояло гораздо сложнее, о чём свидетельствует, в частности, весьма не простое отношение К.П. Победоносцева к творчеству и философским идеям гр. Л.Н. Толстого. Полунов справедливо указывает, что к проповеди писателя обер-прокурор Св. Синода «с самого начала относился крайне отрицательно» (с. 218), постоянно добиваясь запрета его произведений, написанных после «духовного переворота». Но это не мешало ему признавать, что автор «Войны и мира» – «художник в душе с сильным воображением» (с. 218).

Отличаясь незаурядным читательским талантом, Победоносцев был способен серьёзно и внимательно отнестись к явлению культуры, которое лично ему было глубоко чуждо. «Да, надо сказать, ведь всё, что тут писано – правда, как в зеркале, хотя я написал бы то же самое совсем иначе, а так, как у него написано – хотя и зеркало, но

⁷ *Byrnes R.F. Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington; L., 1969. P. X.*

с пузырьём, и оттого кривит..., – писал он 6 февраля 1890 г. Е.М. Феоктистову о “Крейцеровой сонате”, при чтении которой ему “тошно становилось” и “мерзко, до циничности, показалось”. – И всё-таки правда, правда в этом негодовании, с которым автор относится к обществу и его быту, узаконяющему разврат в браке. Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя *нравственности*, я не в силах ответить *да*. Оболжвит меня общий голос людей, дорожащих идеалом, которые, прочтя вещь негласно, скажут: а ведь это правда. Запретить во имя *приличия* – будет некоторое лицемерие. Притом запрещение, как Вы знаете, не достигает цели в наше время. Невозможно же никоим способом карать за сообщение и чтение повести Толстого. Знаю, что это чтение никого не исправит, что во многих читателях оно достигнет противоположной цели... И не разделяю мнение тех, кои готовы воззвать эту повесть на степень какого-то евангелия идеальной нравственности. Тем не менее думаю, что *нельзя удержатъ это зеркало под спудом*»⁸. Победоносцев усматривал художественные достоинства и в драме «Власть тьмы». «Искусство писателя замечательное, но какое унижение искусства», – делился он своими впечатлениями с Александром III⁹.

Кстати, как известно, заочное знакомство Победоносцева и Толстого в 1881 г. было связано с ходатайством писателя о помиловании «первомартовцев». Полунов считает, что, обращаясь к обер-прокурору Св. Синода, гр. Толстой видел в нём прежде всего «носителя определённого мировоззрения, с которым можно было полемизировать, которого можно было попытаться убедить» (с. 220). Однако трудно сказать, что вообще Толстой мог знать о взглядах обер-прокурора Св. Синода весной 1881 г. Во всяком случае, в известных исследователям письмах писателя имя Победоносцева до 1881 г. не упоминается. Обратиться же к нему с просьбой передать Александру III письмо о помиловании царевуиц Толстому посоветовал В.И. Алексеев, домашний учитель детей графа, рассказавший, что в 1875 г. Победоносцев помог освободить из тюрьмы его друга А.К. Маликова (основателя земледельческой колонии в США). Скорее всего, именно это подразумевал Лев Николаевич, когда писал: «Не помяная всего того, что я знаю о Вас». Считая Победоносцева не только близким к императору, но и отзывчивым человеком, Толстой решил прибегнуть к его посредничеству.

Ещё прот. Г. Флоровский отметил сходство идейных установок, лежавших в основе мировоззрения Победоносцева и Толстого. «Сходство не значит согласие, – писал он в 1936 г. – Сходство означает принадлежность к единому культурно-психологическому типу. Сходство Толстого и Победоносцева не было случайным. И во многом они одинаково веруют в природу и не веруют в человека – верят в закон и не доверяют творчеству»¹⁰. И у Толстого, и у Победоносцева чувствуется «просвещенческая закваска» (но если Толстому был ближе Ж.-Ж. Руссо, то Победоносцеву – Э. Бёрк). А.Ю. Полунов, ссылаясь на мнение В.В. Ведерникова, справедливо указывает на «руссоистский эдукационизм» Победоносцева, выразившийся в стремлении «переубедить» и «перевоспитать» общество (с. 340). Эта просвещенческая закваска, по сути, определяла тот *тип духовности*, который отличал обер-прокурора Св. Синода. В нём сочетались своеобразное морализаторство, призывы подражать вере народа и недоверие к народному представлению о святости, воплотившемуся в подвиге преподобного Серафима Саровского, св. Иоанна Кронштадтского, оптинских старцев. В этом и заключалась «ловушка»: делая народ эталоном веры (что очень существенно сближало его с Л. Толстым), Победоносцев, как и Толстой, на самом деле был очень далёк от веры народа. Поразительно и показательно, что, в отличие от многих своих современников, он так ни разу и не побывал в Оптиной пустыни.

⁸ Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 540.

⁹ Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. Т. 2. Минск, 2003. С. 207.

¹⁰ Флоровский Г. У истоков // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1936. Т. 61. С. 400.

Кроме того, объявляя народ хранителем веры (с. 131, 229, 234), обер-прокурор Св. Синода фактически ограничивал творческий потенциал Церкви, в которой мерилом истины является не «народное» и «простое», а соборное и святое. Не случайно выразителями учения Церкви в разное время могли быть и выходцы из простого народа, и тончённые интеллектуалы (как святитель Григорий Богослов или преподобный Максим Исповедник). В «церковном народничестве» проявлялся и общий духовный кризис «синодального типа благочестия», ярким представителем которого был К.П. Победоносцев. При этом, как показано в монографии, в сознании обер-прокурора Св. Синода он дополнялся общим недоверием к реформам и реформаторам. Конечно, это был не цинизм, а пессимизм и отсутствие творческой смелости, которые вообще характерны для петербургских чиновников, связанных с церковной политикой.

В целом, деятельность Победоносцева на посту обер-прокурора Св. Синода оценивается Полуновым достаточно критично, однако при этом не всегда учитывается её специфика. Так, когда исследователь пишет, что в русских духовных школах «внедрялась принудительная церковность» (с. 236, 238), это звучит столь же странно, как если бы речь шла о принуждении учащихся математических школ к вычислениям.

«Религиозная политика» Победоносцева, по мнению А.Ю. Полунова, была зачастую «весьма жестокой» и носила «репрессивный характер». В англоязычной прессе она неизменно связывалась с обвинениями «в нетерпимости, жестокости, лицемерии» (с. 253). Меры, принимавшиеся обер-прокурором Св. Синода против иноверия, сектантства и старообрядчества, действительно носили решительный, подчас суровый характер, поскольку деятельность этих религиозных групп представлялась ему опасной для господствовавшего в России исповедания. Однако было бы ошибкой возлагать на него ответственность за все случаи преследования сектантов и старообрядцев, часто связанные преимущественно с административным произволом на местах. Сам Константин Петрович жаловался П.А. Тверскому на то, что «за грехи и ошибки администрации по делам сектантским привыкли все ставить в ответ меня и церковное управление и всё валить на мою голову». «Напрасно: если бы в духоборческом деле не напутала администрация, без участия и ведома церковных властей – не было бы всей этой путаницы...», – утверждал он. – Если бы делами сектантов не заведовало Министерство внутренних дел, не знающее характера и существа сект, – дело мало-помалу обделывалось бы церковными средствами»¹¹. В целом, политика в отношении раскольников освещена в монографии несколько односторонне. Это ярко проявилось и в характеристике деятельности профессора Московской духовной академии Н.И. Субботина. Полунов пишет, что он вёл «в весьма грубых тонах» полемику против раскола, имел «негласных осведомителей в старообрядческой среде» и сообщал обер-прокурору «агентурные сведения» (с. 258). Однако следовало бы упомянуть и о том, что тот же самый Субботин был одним из крупнейших знатоков старообрядчества, автором фундаментальных трудов, до сих пор не потерявших своего значения¹².

На окраинах и в «национальных районах» империи конфессиональная политика Победоносцева, по мнению Полунова, также не имела успеха. К началу XX в. там «назревали крупные потрясения, которые привели к тяжёлым последствиям – массовым отпадениям от православия – после объявления свободы совести в апреле 1905 г.» (с. 322–323). Но так ли тяжелы были в действительности последствия указа 17 апреля 1905 г.? Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев речь шла не о переходе православных в другие исповедания, а о возвращении в фактически исповедуемую религию тех, кто формально числился православными. Не случайно массовым этот процесс был лишь непосредственно после опубликования указа 17 апреля 1905 г.

¹¹ Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900–1904 // Вестник Европы. 1907. № 12. С. 659–660.

¹² См.: Субботин Н.И. Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской или Белокрыницкой иерархии. М, 1874; *он же*. История белокрыницкой иерархии. Т. 1–2. М., 1874–1897.

Уже к 1908 г. положение стабилизировалось, а с 1909 г. численность присоединившихся к православию постоянно превышала число отпавших, причём положительная динамика – разница между этими цифрами – также росла (2 513 человека в 1911 г. и 8 328 – в 1914 г.). Если в 1907 г. православных и единоверцев было 91 704 580 человек, то в 1914 г. – уже 98 363 874 человек, т.е. за 8 лет их стало больше без малого на 7 миллионов¹³. Таким образом, Православная Церковь не имела серьёзных оснований опасаться расширения веротерпимости в стране (за исключением, пожалуй, Холмщины). Опасность таилась не в притягательности сект и инославных конфессий, а в религиозном индифферентизме: большинство жителей Российской империи, формально считаясь православными, вовсе не проявляли интереса к духовной жизни.

Весной и летом 1905 г. Победоносцев, по мнению Полунова, всячески пытался сорвать широкое обсуждение в Церкви вопроса о необходимых преобразованиях (с. 333) и затягивал исполнение принятого Св. Синодом 22 марта 1905 г. решения о необходимости созыва в Москве Поместного собора и восстановлении патриаршества. Безусловно, он совершенно не сочувствовал идее восстановления патриаршества в Русской Церкви и вообще последовательно выступал против церковных реформ, полагая, что закономерным их результатом станет разрушение сложившихся в России церковно-государственных отношений (предусматривавших тесную опеку Церкви со стороны власти), а в дальнейшем – отделение Церкви от государства. Тем не менее летом 1905 г. Победоносцев включился в процесс подготовки Поместного собора, разослав архиереям анкету и прося их высказаться по целому ряду проблем. При этом он излагал и собственную точку зрения. Из его комментариев к вопросам разосланной архиереям анкеты хорошо видно, что к различным преобразованиям (образование митрополичьих округов, расширение самостоятельности приходов, выборность приходского духовенства, реформирование духовной школы, участие духовенства и мирян в Поместном соборе и т.д.) он относился с разной степенью неодобрения. Весьма показательно, например, что пункта о восстановлении патриаршества в анкете не было вовсе – очевидно, обер-прокурор не желал предоставлять архиереям возможность высказать на сей счёт своё мнение¹⁴.

Полунов полагает, что Победоносцев, будучи с 1860-х гг. противником церковных реформ, ни при каких обстоятельствах не принял бы в них участия. Однако, судя по монографии, на протяжении всей своей жизни он неоднократно участвовал в том, чему полностью или частично не сочувствовал (подготовка Судебных уставов 1864 г., контрреформ 1880-х гг., восстановления отношений с папским престолом, наконец, Петергофские совещания и составление проекта манифеста о созыве Государственной думы). Любопытно, что в своей личной переписке Константин Петрович высказывался против объявления об отпадении Толстого от Церкви, считая такой шаг несвоевременным и вредным. Но именно он стал автором первой редакции синодального акта 20–22 февраля 1901 г.¹⁵

Во всяком случае следует учесть, что между Победоносцевым и, например, таким сторонником восстановления патриаршества, как владыка Антоний (Храповицкий), не было непроходимой пропасти. Об этом, в частности, свидетельствует письмо владыки Антония, направленное Победоносцеву в ноябре 1905 г., уже после его отставки с поста обер-прокурора Св. Синода. В нём архиерей выражал ему свою глубокую и искреннюю благодарность за «высокоценимую патриотическую и народную деятельность» и служение Церкви («дело церковно-приходских школ», «приближение духовной школы к духовным нуждам народа» и т.д.). «Мои взгляды на Церковь, на монашество, на цер-

¹³ *Фирсов С.Л.* Православная Церковь в последнее десятилетие существования самодержавия в России. 1907–1917. СПб., 1996. Приложение В. С. 660.

¹⁴ См.: *Ореханов Г., свящ.* На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. С. 77 и далее.

¹⁵ См.: *Ореханов Г., свящ.* Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010.

ковную школу и на патриаршество не могли встретить в Вас сочувствия и одобрения, – писал он, – однако при всём том я никогда не мог сказать по отношению к Вашей личности слов укорительных и враждебных». По словам владыки Антония, Победоносцев не был «продолжателем административной рутин», как не был он и «сухим фанатиком государственной или церковной идеи», всегда оставаясь «человеком сердца доброго и снисходящего»: «Вопреки заявлению Ваших презренных врагов, форма и буква закона не были для Вас высшим доводом, – горячая и убеждённая просьба склоняла Вас на изытия во имя милосердия»¹⁶.

Наталья Сухова: Не только борьба с вольномыслием

Книга А.Ю. Полунова, без сомнения, актуальна. Личность К.П. Победоносцева является знаковой для истории России и Русской Православной Церкви конца XIX – начала XX в., и эта «знаковость» серьёзно затрудняет положение исследователя: сложившиеся стереотипы преодолеваются с большим трудом. Даже в последние десятилетия, когда всё интеллектуальное сообщество пыталось переосмыслить прошлое России, очень сложно было уйти от схематизации, противопоставления «либерализма» и «консерватизма», «реформаторства» и «реакционности». Непросто разрушить миф о злом гении, блоковском «колдуне», простиершем над Россией «совиные крыла» и заглянувшем ей в очи «стеклянным взором», и увидеть трагическую личность, жертвенно служившую Родине и Церкви. Но важно не впасть и в иную крайность, превознося все действия Победоносцева и приписывая ему «провидческий дар».

Монография представляет результат многолетнего труда: первые статьи А.Ю. Полунова, посвящённые К.П. Победоносцеву, появились ещё в начале 1990-х гг.¹⁷ Исследование впечатляет и проработанной массивной источниковой базой, и корректным анализом трудов предшественников, чётким выделением их достижений, крайностей, ошибок, и хорошо подуманной структурой. Без обращения к этой книге теперь не сможет обойтись ни один историк, занимающийся сюжетами, так или иначе связанными с Победоносцевым и его эпохой.

Однако масштаб личности Победоносцева и его разноплановая государственная, церковная, общественная, культурная, научно-образовательная деятельность ставят перед исследователем, решившим воссоздать целостный облик сановника, чрезвычайно сложную задачу. Более того, при изучении 25-летней службы обер-прокурора Св. Синода необходимо учесть целый ряд сложных и тонких церковных вопросов, связанных с епископским служением, приходской жизнью, духовным образованием. При этом для адекватного освещения каждого из них требуется не только тщательная проработка их истории, но и понимание их специфики, самого церковного контекста.

В полной мере это относится и к характеристике положения русских духовных школ конца XIX в. А.Ю. Полунов уделил им в своей монографии большое внимание, но некоторые его оценки нуждаются в уточнении. Так, анализируя Устав духовных академий, введённый в 1884 г., он пишет про то, что «сокращалось преподавание общеобразовательных предметов», считая это проявлением борьбы Победоносцева с «духом вольномыслия 1860–1870-х гг.» (с. 236). Однако ситуация была несколько сложнее, и, конечно, нельзя видеть во всех положениях этого Устава борьбу с вольномыслием – многие из них представляли собой попытку решить те или иные проблемы, возникавшие в ходе учебного процесса. Именно такой старой и болезненной для духовных академий проблемой было преподавание в них небогословских предметов. Богословие в России профессионально изучалось только в духовной школе, поэтому на высшей её

¹⁶ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Антоний (Храповицкий) и его время 1863–1936. Книга первая. Нижний Новгород, 2004. С. 342–344.

¹⁷ Значительным вкладом в историографию стала защищённая им в 1992 г. кандидатская диссертация и написанная на её основе монография: Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

ступени – в академиях – стремились предоставлять специально-богословское образование, подобное тому, которое университетские факультеты давали по другим наукам. Однако в академиях преподавались и светские науки. С одной стороны, это была дань педагогической задаче академий, которые готовили преподавателей для семинарий. С другой стороны, конечно, общеобразовательные знания служили основой для богословия, а общий уровень семинаристов многие деятели высшей духовной школы считали недостаточным. Но обилие изучаемых дисциплин приводило академии к знаменитой проблеме «многопредметности», а также ослабляло их богословскую направленность. В комиссии при Святейшем Синоде, разрабатывавшей в 1882 г. проект нового устава, при обсуждении этой проблемы дискуссии возникали между самими профессорами – представителями академий. В результате Устав 1884 г. очень незначительно изменил круг предметов: были исключены лишь славянские наречия, введённые предшествующим Уставом 1869 г. и плохо приживавшиеся в академиях. В полном объёме осталась философия (логика, психология, метафизика, история философии), гражданская история (всеобщая и русская), словесность (теория словесности и история иностранных литератур, история русской литературы, русский и церковно-славянский языки с палеографией, древнееврейский язык). Как и при Уставе 1869 г., философия была обязательным предметом, а исторические и словесные курсы предоставлялись выбору студента. Таким образом, сокращения общеобразовательных дисциплин в 1884 г. практически не произошло.

Не совсем понятно утверждение автора: «Целью духовных академий провозглашались в первую очередь прагматические задачи, в связи с чем количество их студентов существенно уменьшилось» (с. 236). Уменьшение числа студентов действительно произошло в связи с сокращением, на основании появившегося 4 мая 1887 г. указа Святейшего Синода, 60 казённых стипендий в каждой академии¹⁸. Проводилось оно постепенно, на протяжении четырёх лет, и было вызвано прежде всего избытком преподавателей в духовно-учебных заведениях и безработицей выпускников академий – кандидатов богословия. Отправленные в епархии безработные кандидаты сетовали на свою невостребованность после 14-летней тяжёлой учебы и четырёх лет усиленных занятий высшим богословием¹⁹. В бумагах С.А. Белокурова, окончившего Московскую духовную академию в 1886 г., сохранилась записка, в которой «кандидат академии» обвинял Учебный комитет в печальной участи её выпускников²⁰.

Данная проблема вызывала большие затруднения в духовном ведомстве: брошенные на произвол судьбы кандидаты богословия добивались учительских мест в духовных училищах, соглашаясь на оклады, предусмотренные для выпускников семинарий (450 руб. в год) и закреплённые за ними. Своёкоштных студентов при поступлении в академию заставляли давать подписку, что они не будут претендовать на службу по духовно-учебному ведомству²¹. Кроме того, проведённое на рубеже 1880–1890-х гг. сокращение стипендий лишь восстанавливало положение, существовавшее до 1879 г., когда произошло их неоправданное увеличение²². Конечно, лица с высшим духовным образованием могли применять свои знания и в других сферах деятельности, однако соответствующих научно-исследовательских институтов в России не было, и традиционно выпускники академий занимались преподаванием или становились священниками.

¹⁸ РГИА, ф. 802, оп. 9, 1887 г., д. 13, л. 1–24.

¹⁹ С 1886 г. кандидаты духовных академий, не получившие духовно-учительских мест, отправлялись Святейшим Синодом в распоряжение правящих архиереев (см.: Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Св. Синода за 1886 год. СПб., 1888. С. 139–140).

²⁰ ОР РГБ, ф. 23, к. 1, д. 10, л. 1–2 об. Записка была либо составлена, либо переписана С.А. Белокуровым. Её автор предлагал даже изгонять с преподавательских и законоучительских мест приходское духовенство, «отбивающее» кусок хлеба у молодых кандидатов богословия.

²¹ ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 1117.

²² ЦГИА СПб., ф. 277, оп. 1, д. 2903, л. 1; Извлечение из Всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1879 г. СПб., 1881. С. 148.

Вызывает некоторое удивление и замечание Полунова о том, что «в жизнь студентов внедрялась принудительная церковность (обязательное участие в церковном чтении и пении, посещение богослужений под страхом наказания)» (с. 236–237). Духовная школа, даже высшая – школа особая, церковная, готовящая своих выпускников к служению Церкви, в священном сане или в ином статусе. Поэтому богослужение, участие в церковном чтении и пении, составление и произнесение проповедей всегда были неотъемлемой частью высшего духовного образования, хотя академии и не были, как семинарии, специально-пастырскими школами. Выбирая этот путь, студент принимал и его условия. Кроме того, в академиях учились в подавляющем большинстве сыновья священно- и церковнослужителей, привыкшие с детства к активному участию в богослужении. Естественно, духовные академии предпринимали усилия не только по поддержанию церковной жизни своих студентов, но и по подготовке их к служению в священном сане.

Воздействие на богословскую науку и жизнь духовных академий печально знаменитых «Правил для рассмотрения сочинений, представляемых на соискание учёных степеней» 1889 г.²³ в монографии несколько преувеличено. Конечно, они ставили перед соискателями много вопросов, вызывая недоумение, а иногда и возмущение. Но на научно-богословскую деятельность они существенно не повлияли. Так, число докторских и магистерских богословских степеней, полученных за 15 лет действия Уставов 1869 и 1884 гг. (1869–1884, 1891–1905), свидетельствует в пользу Устава 1884 г. За эти годы были защищены соответственно 40 и 53 докторские диссертации, а также 73 и 175 магистерских диссертаций. Известны лишь единичные случаи, когда учёные-богословы, не желая подвергать своё исследование оценке по установленным правилам, отказывались представлять его на защиту в виде диссертации или монографии²⁴.

С правилами 1889 г. Полунов связывает и уход из духовных академий профессоров Ф.А. Терновского и Е.Е. Голубинского. Но первый из них покинул Киевскую академию ещё в 1884 г., хотя, конечно, Победоносцев имел к этому определённое отношение. Что же касается Голубинского, то он продолжал успешно трудиться в Московской академии вплоть до 1895 г., когда вышел в отставку по выслуге лет (к этому времени он практически потерял зрение). Трудности, возникшие при утверждении его в докторской степени, которое всё же состоялось, никак не сказались на его положении: в 1886 г. он был утверждён в звании заслуженного профессора, в 1886–1887 гг. редактировал журнал «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе», а в 1893 г. получил премию митрополита Макария за сочинение «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» (Сергиев Посад, 1892).

Разумеется, всё это не следует воспринимать как апологию Устава 1884 г. или правил 1889 г. Проблемы, встававшие в ту эпоху, не стоит умять. Но они были разного уровня и являлись следствием не только нормативных актов, регулировавших деятельность духовной школы, но и самого развития высшего духовного образования и богословской науки в России.

В целом же отношение профессоров духовных академий к Победоносцеву было разным. Яркую характеристику ему дал профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский, принадлежавший к числу достаточно смелых богословов-исследователей: «Его (К.П. Победоносцева. – Н.С.) травили и позорили всячески, а по учёной части заклеили титулом гонителя и мракобеса. Трудно придумать большую клевету... Напротив, едва ли в наши времена был столь учёный государственный муж,

²³ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1888/89 учебный год. СПб., 1894. С. 123–130.

²⁴ Самым ярким и, пожалуй, единственным зафиксированным таким случаем является «непредставление» профессором Санкт-Петербургской духовной академии В.В. Болотовым докторской диссертации «Рустик, диакон Римской Церкви, и его литературные труды». См.: Письмо и две записки профессора В.В. Болотова о неоконченной работе его о Рустике // Христианское чтение. 1907. Ч. 1. № 3. С. 383.

любитель и покровитель научного знания, как Победоносцев, который душевно чтит науку и уважал её в каждом, лично предавался ей с упоением и нередко проводил чуть не целые ночи за писанием, сидя на полу пред специальным низеньким столиком. Сам большой учёный и писатель, – он ценил печатную книгу, и ему нравился даже запах свежей типографской краски. Это был господин своей мысли и великий мастер слова, и всегда отдавал должное научным труженикам, охотно извиняясь за свои откровенные по всем вопросам резкости, которые были почти невероятны в государственном деятеле, а здесь он был чужд всяких дипломатических туманностей. О богословах же он замечал только одно: что они слишком обидчивы и самомнительны, и что мимо их нельзя пройти, чтобы не задеть – точно у них на одежде всюду были крючья. Разумеется, Победоносцев держал крепкую дисциплину, но знал и не нарушал законные ограничения именно для себя... С ним не столь просто, но можно было сговориться, ибо он всякое дело понимал сразу и решал ясно без всяких обиняков, готов был даже непосредственно отвечать по научным вопросам и благодарил письменно за малейшие услуги в этой области, всегда титулуя профессоров “почтеннейшим” исполняя их книжные поручения из-за границы, хотя бы некоторых западных книжников и считал “просто чудаками”»²⁵.

Вера Шевцова: Историки больше знают о политике Победоносцева, чем о её мотивах

Рассуждая о перспективах развития жанра политической биографии, известный историк и политолог Бен Пимлотт однажды заметил, что задача биографа – «не создание фотографически-точного образа». Необходимо скорее «дать общее представление, используя широкую палитру исторических свидетельств», поскольку «цель автора – не абстрактная истина, а понимание»²⁶. Словно следуя такому видению, Александр Полунов создаёт образ К.П. Победоносцева, заставляющий усомниться в нередко упрощённых и одномерных представлениях об этом человеке, который являлся, возможно, одной из наиболее мрачных фигур позднеимперской истории России. Опираясь на широкий круг архивных и опубликованных источников, Полунов не просто раскрывает особенности воззрений и мотивов деятельности Победоносцева, но, что ещё более существенно, анализирует своеобразие политической культуры, в рамках которой данный сановник обладал огромной властью. Автору удалось избежать опасности, стоящей перед многими учёными, работающими в жанре исторической биографии, – написать «нечто, что не является серьёзным историческим трудом»²⁷. Тонкими, ювелирными мазками Полунов вписывает образ государственного деятеля в широкий исторический контекст сложных процессов и не до конца понятых тенденций политического и интеллектуального развития пореформенной и предреволюционной России. В целом, книгу Полунова можно рассматривать как часть «новой политической истории» – важного историографического направления, возникшего в России в постсоветский период²⁸.

Исследование, построенное по хронологическому принципу, освещает основные этапы жизненного пути Победоносцева со времён учёбы в Училище правоведения при Николае I до отставки с должности обер-прокурора Святейшего Синода, которую он занимал в течение четверти века (1880–1905 гг.). Помимо надзора за церковной си-

²⁵ Глубоковский Н.Н. Санкт-Петербургская духовная академия во времена студенчества там патриарха Варнавы // Церковно-исторический вестник. № 2/3. 1999. С. 231–232.

²⁶ Pimlott B. The Future of Political Biography // The Political Quarterly. Vol. 61. No. 2 (April-June 1990). P. 220.

²⁷ History and Biography: Essays in Honor of Derek Beales. Cambridge, 1996. P. 1. О проблемах историко-биографического жанра см.: Rotberg R.I. Biography and Historiography: Mutual Evidentiary and Interdisciplinary Consideration // Journal of Interdisciplinary History. XL:3 (Winter, 2010). P. 305–324.

²⁸ «New Wine in New Bottles?» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 5. No. 1 (Winter 2004). P. 1–6.

стемой управления (важное значение деятельности обер-прокурора часто недооценивалось современниками), Константин Петрович исполнял обязанности сенатора и члена Государственного совета. Будучи одним из преподавателей старшего сына Александра II цесаревича Николая Александровича, скончавшегося в 1865 г., а после и его брата – будущего Александра III, Победоносцев получил доступ в правительственные и придворные сферы. И несмотря на то, что его наставничество в царской семье прекратилось ещё в конце 1860-х гг., а Александр II относился к нему уже без особого доверия, тщательно выстроенная система взаимоотношений с вел. кн. Александром Александровичем позволила обер-прокурору Св. Синода после 1 марта 1881 г. стать ближайшим советником нового императора. Спустя 13 лет благодаря особым доверительным отношениям с Александром III (пусть и пошатнувшимся в последние годы его царствования), Победоносцев становится наставником при неопытном Николае II. Хотя сильное влияние обер-прокурора ощущалось лишь в 1895–1896 гг., сама возможность подобных «воскрешений» показывает, что механизмы власти и система неформальных политических влияний в императорской России на протяжении последних десятилетий XIX в. не претерпели серьёзных изменений.

Впечатляет представленный Полуновым масштаб политического влияния Победоносцева. Формально отвечая лишь за церковно-государственные отношения, он играл значительную роль при назначении и смещении министров, губернаторов и других сановников, определял многие направления правительственной политики. В обществе прекрасно знали о доверительных отношениях Победоносцева с царём, и его кабинет с утра до вечера был полон людьми, искавшими поддержки в делах, вовсе не связанных с управлением Церковью (с. 196). Неслучайно Полунов уделяет больше внимания роли Победоносцева как советника императоров и политического деятеля, чем его службе на посту обер-прокурора Святейшего Синода. Возможно, историки хорошо осведомлены о размахе и степени влияния Победоносцева в 1880-е гг., но о принципах и мотивах, которыми он руководствовался, известно гораздо меньше.

Полунов вносит множество оттенков в трактовку жизни и деятельности Победоносцева, раскрывая глубокие философско-идеологические противоречия в его мировоззрении и поступках. Нельзя забывать, что Победоносцев был юристом, воспитанным в традициях легализма, уважения к правосудию. В книге убедительно доказано, что пренебрежение к закону, характерное для царствования Николая I, было важнейшим фактором, побудившим Константина Петровича принять участие в разработке судебной реформы Александра II. Однако преобразование учреждений не было для Победоносцева самоцелью. К разочарованию своих либеральных коллег, он отказался от поддержки новых судебных институтов, когда выяснилось, что они угрожают дорогой для него вере в уникальный исторический путь России. Разделяя эту идею славянофилов, Победоносцев был убеждён в неизбежном провале реформ, основанных на упрощённом заимствовании западных образцов. В то же время в 1880-е гг., добившись смещения либерального министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, обер-прокурор Св. Синода вскоре разочаровал и консерваторов, отказавшись поддерживать намеченные ими контрреформы. Он опасался, что они усилят бюрократизм и формализм политической системы и тем самым неизбежно нанесут удар по принципам законности и правосудия.

Характерный для мировоззрения Победоносцева легализм парадоксальным образом сочетался с неприязнью к бюрократии, «учреждениям и регламентации» (с. 123). Порождая коррупцию, бюрократические институты искажали сущность правильного монархического управления. В этой связи Полунов исследует отличительную черту политической философии Победоносцева – его убеждение, что крепкое государство и монархия основываются на системе личных, неформальных взаимоотношений. Именно это убеждение, наряду с желанием освободить монарха от ненужного бюрократического бремени, побуждало Константина Петровича добиваться роли советника и давать на первый взгляд самонадеянные рекомендации по разнообразным вопросам, далёким от официальных обязанностей обер-прокурора Св. Синода. В то же время обер-проку-

пор, видимо, так и не понял, что возведённое в систему личное вмешательство в дела других ведомств, так же, как и бюрократизм, приводит к произволу и неэффективности администрации.

Особенность, характерная для политического мышления и поведения Победоносцева, проявлялась в его отношении к «простому народу». Константин Петрович был невысокого мнения как о русском народе, так и о человечестве в целом. Поэтому он выступал против всех форм демократии и парламентского правления. В массе своей люди, по его мнению, были неспособны правильно осмыслить понятия свободы и равенства, и их следовало всеми силами оградить от участия в политической жизни и выборных учреждениях. Только высокообразованные личности, осознающие обусловленность этих принципов, должны нести бремя правления. В то же время Победоносцев идеализировал «простой народ», видя в нём источник здоровья и стабильности общества. «Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши, – писал Константин Петрович вел. кн. Александру Александровичу. – Там ещё цел родник, от которого дышит ещё свежестью; оттуда, а не отсюда наше спасение» (с. 116). Поэтому, по мнению Победоносцева, в интересах всего общества, необходимо было оградить простой народ от «отравы западного прогресса». Более того, для благополучия монархии – и для обеспечения политической и социальной целостности страны – царь должен был поддерживать прямую связь с народом. Причём важнейшим связующим звеном в таких отношениях Константин Петрович считал самого себя. «Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует», – писал он царю (с. 122).

Можно спорить о том, какой след оставил бы Победоносцев в истории России, если бы его деятельность была ограничена рамками духовного ведомства. Однако в истории русского православия его роль, несомненно, была очень значительна. По справедливому замечанию Полунова, конец XIX в. был отмечен в истории Русской Церкви как время исключительно насыщенного интеллектуального, духовного и даже институционального развития. Многие из верующих полагали, что идеи свободы совести и вероисповедания, отделения Церкви от государства, против которых так яростно выступал Победоносцев, дают надежду на превращение Православной Церкви в союз добровольных членов, а не людей, приписанных к ней от рождения. Во второй половине XIX в. православные клирики и миряне как никогда раньше активно участвовали в художественном, философском, богословском и духовном творчестве, социальной работе, подготовке институциональных реформ. По своему размаху, энергии и целеустремленности эта деятельность была достойным противовесом распространявшемуся тогда же атеистическому марксизму. Однако, при всей искренности его благочестия, Победоносцеву, в силу его своеобразного понимания православия, были чужды новые тенденции творчества верующих. Его идеал «цельности» имел мало общего с «соборностью» А.С. Хомякова или «всеединством» В.С. Соловьёва, у которых вера в животворящую силу Святого Духа была неразрывно связана с верой в человеческую свободу. В этом смысле их богословские представления, так же как и взгляды Победоносцева, имели политическое звучание.

Несомненным достоинством книги Полунова является его способность сочетать в своём исследовании разнородные и многообразные отзывы современников и историков об обер-прокуроре Св. Синода, не отбрасывая и не абсолютизируя ни одну из точек зрения, не искажая и не преувеличивая те или иные свойства его личности. Более того, внимательный читатель, привыкший – в духе «новой политической истории» – сопрягать прошлое с настоящим, без труда обнаружит в жизни современной России и вызовы, подобные тем, с которыми пришлось иметь дело Победоносцеву, и воззрения, близкие к его взглядам. Осмысление церковно-государственных отношений, своеобразия России и её связей с Западом, национального самосознания, установления, обоснования и осуществления властных полномочий и, в конечном счёте, понимания самой природы человека – всё это представляет в наши дни не меньшую значимость, чем во времена Победоносцева.

Книга А.Ю. Полунова представляет собою итог многолетнего изучения взглядов и деятельности К.П. Победоносцева – автор посвятил ему около четверти века, выпустив за это время три монографии и десятки статей (первые из которых печатались ещё в конце 1980-х гг. в машинописном студенческом журнале «Штудии»). Вместе с тем в данной работе можно увидеть и результат научного и педагогического труда нескольких поколений историков, связанных между собой прямой и непрерывной преемственностью. Впервые о том, что «Победоносцев несомненно заслуживает полной и подробной биографии и притом такой, которая была бы настоящим учёным исследованием», писал ещё Ю.В. Готьё²⁹. Его статьи и стали первым шагом к созданию такой биографии (до него в распоряжении читателя имелись, – если, конечно, имелись, учитывая условия времени³⁰, – лишь более или менее глубокие публицистические очерки и размышления об особенностях мировоззрения и жизненного пути Победоносцева)³¹. Однако осуществить подобный замысел в Советской России было невысказано. Об этом выразительно свидетельствовал уже тот десятилетний перерыв, с которым были опубликованы статьи Ю.В. Готьё – часть этих лет будущий академик провёл в тюрьме и ссылке (по «делу Платонова»). Тем не менее начатое Юрием Владимировичем дело было продолжено и развито его учеником – П.А. Зайончковским, в книгах которого деятельность Победоносцева уделялось большое внимание³². Роль обер-прокурора Святейшего Синода в подготовке земской контрреформы, а также в формировании внутренней политики Николая II, тщательно рассматривалась и Л.Г. Захаровой³³ – ученицей П.А. Зайончковского и учителем А.Ю. Полунова.

Конечно, автором обсуждаемой монографии учтены не только работы его прямых предшественников, но и практически вся как отечественная, так и зарубежная историография, в той или иной степени освещающая жизнь и наследие Победоносцева. И всё же это в первую очередь традиционная книга, убедительно свидетельствующая о том, что традиционность не исключает ни научной новизны, ни самостоятельности оценок и выводов. Она традиционна уже потому, что в ней легко различимы лучшие черты русской дореволюционной научной школы – «позитивистской» не в смысле верности некой методологической догме, а в силу приверженности точному обстоятельному («фактическому») знанию прошлого, чуждой постмодернистских игр с вечностью и лишённой вкуса к саморазрушению и деконструкции. Книга Полунова позволяет утверждать, что эти традиции пока ещё живы в России, несмотря на несколько революций, великие и малые переломы, а также всевозможные «повороты» в науке.

Кроме того, данная монография указывает на пользу длительной работы над темой, которая постепенно становится в чём-то судьбой историка, а не мимолётным интеллектуальным увлечением. Лишь продолжительное вживание и всматривание в эпоху, переосмысление источников на разных этапах их изучения, неизбежная смена

²⁹ *Готьё Ю.В.* К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // Сборник публичной библиотеки им. В.И. Ленина. № 2. М., 1928. С. 107–134; *он же.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. Т. 2. М., 1938. С. 240–299.

³⁰ К примеру, «Исторические записки», где была опубликована одна из статей Ю.В. Готьё, до 1950-х гг. находились в спецхране.

³¹ Среди них прежде всего, конечно, нужно отметить яркие страницы, посвящённые характеристике К.П. Победоносцева в книге прот. Г.В. Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937).

³² *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952; *он же.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; *он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

³³ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *она же.* Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 119–140; *она же.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

ракурсов обеспечивают продуманность деталей, позволяют избежать упрощённых или поверхностных объяснений, наконец, дают возможность убедиться в неоднозначности порою даже самых очевидных событий и оценок. Между тем всё это совершенно необходимо при попытке понять мотивы и последствия поступков исторических деятелей.

Следует учесть и то, что положение любого биографа К.П. Победоносцева весьма затруднительно. Ему необходимо прежде всего отделить облик некогда жившего человека (пусть даже пристрастно зафиксированный друзьями и недругами) от иногда пошлых, иногда талантливых публицистических и художественных образов, возникавших и существовавших исключительно на страницах газет и журналов (а затем – и в сознании их читателей) и обладавших собственной «реальностью», связанной с Победоносцевым только именем. Не менее сложно избежать соблазна измерять действия и суждения Победоносцева «аршином» его позиций 1880–1890-х гг., рассматривать формирование его взглядов и личности в середине XIX в. в свете позднейшего «упорного консерватизма» и «перехода на охранительные позиции» (с. 39). Требуется известное усилие, чтобы постоянно помнить, казалось бы, очевидное: Победоносцев *не всегда* был обер-прокурором Св. Синода и *не всегда* воспринимался как «известный русский консерватор». Биограф такого «политического должителя», как Победоносцев, неизбежно сталкивается с антиномией: и в 1850–1860-е, и в 1880–1890-е гг., это был, безусловно, один и тот же человек, но в чём-то это – совершенно разные люди.

Наконец, не менее существенно то, что ни один исследователь, пишущий о Победоносцеве, не может обойтись без обращения к его переписке. Письма К.П. Победоносцева, бесспорно, представляют собой один из наиболее ярких памятников эпистолярной культуры XIX в. Их характерная черта состоит в оригинальном сочетании лёгкости стиля, точности и образности выражений с их прочувзованностью и задушевностью (особенно в письмах к близким ему корреспондентам – Е.Ф. Тютчевой, С.А. Рачинскому, Александру III). Трудно устоять перед их обаянием, но и довериться им столь же опасно, как гомеровским сиренам. Победоносцев подробно излагал свои душевные переживания, опасения и наблюдения людям, которые обычно находились далеко и встречались с ним сравнительно редко, поддерживая преимущественно «литературное» общение. При этом он сам всегда оставался не только автором, но и главным героем своих писем (в этом отношении, кстати, письма К.П. Победоносцева разительно отличаются от писем другого консервативного сановника – Е.М. Феоктистова, писавшего почти исключительно о том, что происходило *вокруг* него). Так например, читая переписку К.П. Победоносцева с Е.Ф. Тютчевой – часть которой он ещё при своей жизни передал для последующей публикации П.И. Бартеневу (с. 336) – трудно отделаться от ощущения, что эти «политические письма к даме» написаны не столько для Екатерины Фёдоровны, сколько для самого себя и для потомства. Это было одновременно и своего рода «чернильное зеркало», и оправдательный документ. Естественно, его письма к цесаревичу, а затем императору Александру III за те же годы имеют свои особенности и, в свою очередь, не похожи на письма к государственным и общественным деятелям (М.Н. Каткову, гр. Н.П. Игнатьеву, Е.М. Феоктистову и др.). В целом, эпистолярное наследие Победоносцева заслуживало бы не только полного и притом научного издания (и переиздания той его части, которая публиковалась в XX в.), но и отдельного психолого-источниковедческого, если можно так выразиться, исследования. Оно было бы ценно как для дальнейшего изучения биографии их автора, так и для выявления новых черт политической и культурной истории пореформенной России. Для этого и многих других исследований книга А.Ю. Полунова послужит надёжным и незаменимым фундаментом.

Автору книги удалось, избегая какой-либо обличительности, сохранить критическое отношение к поступкам, суждениям и самооценке Победоносцева. Поэтому, скорее всего, данная монография не удовлетворит ни порицателей, ни апологетов Константина Петровича. В ней уверенно и вместе с тем деликатно очерчиваются основные противоречия и парадоксы его судьбы и мировоззрения.

Всматриваясь в детали биографии Победоносцева, чуть ли не на каждом шагу сталкиваешься с разного рода *qui pro quo*, которые, видимо, и вводили в заблуждение его современников, будь то составители Судебных уставов в начале 1860-х гг., гр. М.Т. Лорис-Меликов в 1880–1881 гг. или «зубры» 1905 г. Так, хорошо известно, что Победоносцев был внуком священника, родившись в «семействе, тесно связанном корнями с духовным сословием» (с. 41). Но, с другой стороны, это была семья, *вышедшая* из духовного сословия, оторвавшаяся от круга его специфически сословных забот и интересов, в известном смысле *возвысившаяся* над ними. Нет никакого сомнения в том, что в семье профессора П.В. Победоносцева «царили глубоко патриархальные нравы», но это была весьма специфическая, полудуховная, полудворянская патриархальность семьи, глава которой сравнительно недавно занял и ещё только обживал совершенно новую социальную нишу. Как пишет Полунов, «центром семьи в домашних делах была мать (из рода костромских дворян Левашовых)». Тем более любопытно, что хотя «о матери (в отличие от отца) К.П. Победоносцев вспоминал много, часто и с большой теплотой» (с. 45), неизвестно даже, как её звали – ни имени, ни отчества, ни инициалов нет ни в монографии Полунова, ни в лучшем на сегодняшний день биобиблиографическом справочнике Д.Н. Шилова³⁴. Дата её смерти в сентябре 1867 г. (а она дожила до 87 лет) устанавливается лишь предположительно. Вообще же значение семейных и родственных связей в жизни К.П. Победоносцева заслуживает, пожалуй, небольшого самостоятельного исследования. Если же говорить о влиянии домашней патриархальной обстановки на его мировоззрение, то следует учесть, что, например, в семье последовательного либерала Д.А. Милютина патриархальность ощущалась и сохранялась ещё сильнее. Более того, у Победоносцева чувствуется скорее *тяга к патриархальности*, возможно, указывающая именно на непрочность социальных корней.

К.П. Победоносцев был сыном профессора, преподававшего риторику и занимавшегося популяризацией русской литературы XVIII в. Судя по работам его отца, тщательно анализируемым Полуновым, Константина Петровича с детства окружала атмосфера не столько научного поиска, сколько благонамеренного морализаторства и просветительских рационалистических идеалов XVIII столетия. Не оттого ли впоследствии спор с принципами и идеями эпохи Просвещения, «борьба за основные начала», будет иметь для него такое большое и личное значение? В какой мере это был спор с представлениями своего детства?

Впрочем, юношеские годы, обычно особенно важные для формирования мировоззрения человека (с 14 до 19 лет) К.П. Победоносцев, поздний ребёнок, провёл вне родительского дома – в привилегированном закрытом учебном заведении, каковым являлось Училище правоведения. Видимо, П.В. Победоносцев не думал передать сыну своё место в московской профессорской среде, но желал обеспечить ему условия для дальнейшего карьерного роста. В 1860 г. К.П. Победоносцев станет, как и его отец, профессором Московского университета по кафедре гражданского права, однако его преподавательская деятельность (если не считать занятий с великими князьями), продлится всего несколько лет, причём с перерывами и совмещаясь с его службой в Сенате. И хотя Победоносцев сохранит близкие отношения со многими представителями московской профессуры (С.А. Рачинским, Ф.М. Дмитриевым, Б.Н. Чичериным, С.М. Соловьёвым), трудно сказать, насколько он успел стать своим для университета.

А.Ю. Полунов отмечает особую привязанность К.П. Победоносцева к Москве, которую он окончательно покинул лишь в середине 1860-х гг. Действительно, невозможно отрицать влияние на него духовной и интеллектуальной жизни первопрестольной конца 1840–1850-х гг. Однако и тут его положение было особым, он с гордостью писал о том, что в молодости сумел уберечься «от московских кружков» (с. 48). Да и впоследствии едва ли он занял бы сколько-нибудь видное место в барско-купеческом обществе пореформенной Москвы. Как крупный исторический деятель страстный москвич По-

³⁴ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. Изд. 2. СПб., 2002. С. 580.

бедоносцев мог состояться и состоялся только в чиновном имперском Петербурге, до конца жизни вызывавшем у него тоску и отчуждение.

Чужим он ощущал себя и на государственной службе, которой отдал лучшие свои годы. Как справедливо указывает Полунов, Училище правовередения, где обучался Победоносцев, изначально создавалось для того, чтобы обновить личный состав судебного ведомства людьми не только широко и профессионально образованными, но и обладающими особой правовой культурой и служебной этикой (с. 51)³⁵. По словам Р. Уортмана, «правовереды усвоили, что их миссия – задавать стандарты честности и надёжности в системе правосудия»³⁶. Этому способствовало и покровительство начальства, открывавшее путь для быстрой карьеры. Победоносцев, как и многие другие его товарищи по Училищу, верил в своё призвание, со временем подобные «мессианские» представления были распространены им на все сферы государственного и церковного управления. Но на первых порах службы это неизбежно должно было порождать если не конфликты, то трения и взаимные претензии с сослуживцами, не принадлежавшими к избранному кругу «правовередов». Едва ли не тогда же сформировалось характерное для Победоносцева критическое отношение к «бюрократии», «чиновническому формализму» и проч., объединявшее его с такими правовередями как И.С. Аксаков, А.А. Половцов, а также со многими либерально настроенными судебными деятелями середины XIX в. Вполне соответствовало настроением либеральной бюрократии 1850-х гг. и обличение Победоносцевым на страницах герценовских «Голосов из России» министра юстиции гр. В.Н. Панина, немало делавшего для правовередов, но так и оставшегося для них олицетворением недостатков дореформенного суда. Между тем убеждённости Победоносцева в том, что любые улучшения требуют скорее новых (и дельных) людей, нежели изменения учреждений, перекликалась не только с давними суждениями Н.М. Карамзина, но и с мнением гр. Панина о преобразовании судопроизводства.

Выпускники Училища правовередения, как известно, сыграли важную роль в подготовке и реализации судебной реформы 1864 г. При этом Победоносцев вновь разошёлся с теми, с кем был теснее всего связан по воспитанию и службе. Приняв сперва участие в работе над Судебными уставами, он уже в 1864 г. стал их решительным критиком. А это неизбежно означало его изоляцию среди представителей нового поколения судебных чиновников, к которому он принадлежал. С другой стороны, усвоенная им юридическая культура полностью исключала его солидарность со сторонниками бесцеремонного административного вмешательства в дела правосудия (в этом отношении весьма показателен его затяжной конфликт с гр. К.И. Паленом).

В 1860–1870-е гг. Победоносцев в качестве преподавателя великих князей и посетителя салона вел. кн. Елены Павловны становится заметной фигурой в придворных сферах. Но, не обладая ни аристократическим происхождением, ни широкими родственными связями, ни лёгкостью светского человека, он оказывается здесь своим среди чужих. В его *постоянных* жалобах на пустоту придворной жизни привязанность к ней чувствуется не меньше, чем неудовлетворенность занимаемым положением.

Близостью Победоносцева к наследнику престола обычно объясняют и его резкое возвышение в 1880 г., выразившееся в назначении сначала членом Верховной распорядительной комиссии, а затем – обер-прокурором Св. Синода и членом Комитета министров. По мнению А.Ю. Полунова, гр. М.Т. Лорис-Меликов «искал сближения с Победоносцевым», желая «укрепить свои позиции в верхах» (с. 170). Это вполне справедливо, но лишь отчасти объясняет действия Лориса. Так, например, другому приближённому цесаревича – гр. И.И. Воронцову-Дашкову он обещал, но так и не выхлопотал никакого правительственного поста. К тому же Лорис всегда мог сослаться на глубокое нерасположение к Победоносцеву императора. Намного проще предположить, что Константина Петровича, как и других членов Верховной распорядительной комиссии,

³⁵ Подробнее см.: Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 343–400.

³⁶ Там же. С. 357.

рекомендовал Лорис-Меликову его ближайший советник и помощник – М.С. Каханов (в прошлом – выпускник Училища правоведения, в 1879 г. тесно сотрудничавший с Победоносцевым по делам Добровольного флота). При этом нужно учитывать, что улучшение материального состояния и повышение общественной роли православного духовенства (особенно в заведовании народными школами) всегда указывалось гр. Лорис-Меликовым и его сторонниками в качестве одного из приоритетов внутренней политики. Найти же в правящих кругах человека более подходящего для решения этой задачи было практически невозможно. Этим в первую очередь и объяснялся «временный союз между Победоносцевым и Лорис-Меликовым» (с. 174). И хотя в начале 1881 г. он уже заметно осложнялся разногласиями по поводу политики в отношении студентов и печати, это не мешало им действовать сообща по другим вопросам (например, при обсуждении условий соглашения с папским престолом и проч.). Даже весной 1881 г. в ближайшем окружении гр. Лорис-Меликова действия Победоносцева воспринимались достаточно (если не излишне) снисходительно. «Наш К.П. Побед[оносцев] чадит страшно, но долго ли будет от него чад стоять – неизвестно», – писал 5 апреля 1881 г. Каханов сенатору М.Е. Ковалевскому (кстати, также бывшему правоведа)³⁷.

В книге А.Ю. Полунова точнее, чем где-либо в историографии, раскрывается суть конфликта Победоносцева с гр. Лорис-Меликовым и его сторонниками в 1881 г. «Правительство, – писал Константин Петрович Е.Ф. Тютчевой в январе 1881 г., – отказывается от всякой борьбы за основные начала – именно от того, что вдохновляет и укрепляет человека и учреждение верой – на борьбу хотя бы с целой вселенной. Напротив того, – всякое явление действительной жизни, хотя бы самое безобразное, выставляется существующим фактом, с которым надобно считаться, который остаётся регулировать» (с. 174). В свою очередь, гр. Лорис-Меликов и его единомышленники не могли добиться от Победоносцева сколько-нибудь конкретного и прагматичного изложения его программы действий. Либеральные министры опасались, что без учёта реального положения страны решительная «борьба за начала» будет бесконечной и действительно приобретёт космические масштабы (как говорил А.А. Абаза: «не следует бить нигилистов по спине всей России»³⁸). Но и «регулирование» общественной жизни при отступлении от «основных начал» превращалось в неуправляемый и непредсказуемый процесс. И то, и другое грозило катастрофическими последствиями. Именно поэтому гр. Лорис-Меликов всячески стремился, иногда даже в ущерб самому себе, поддерживать баланс различных политических групп и направлений в правительственных кругах и в общественном мнении.

Так или иначе при характеристике политики Победоносцева на посту обер-прокурора Св. Синода нельзя забывать, что она начиналась в рамках «либеральной системы» гр. Лорис-Меликова, предусматривавшей тесное взаимодействие власти и общества. Однако уже в 1881 г. духовное ведомство фактически оказалось втянуто в развязанную Победоносцевым «борьбу за начала», которая не столько укрепляла, сколько осложняла положение Церкви. Впрочем, и в период контрреформ Победоносцев оставался верен себе, выступая против тех, кто считал его своим союзником. По-своему логичным представляется и финал политической карьеры К.П. Победоносцева – конфликт со Св. Синодом и своим ближайшим сотрудником в духовном ведомстве В.К. Саблером, участие в подготовке проектов учреждения Государственной думы и отставка после манифеста 17 октября 1905 г.

В монографии А.Ю. Полунова прослежен весь политический, идейный и жизненный путь К.П. Победоносцева. При этом автор не пытается собрать воедино всё, что известно о Победоносцеве. Вероятно, в этом случае его труд составил бы несколько (а может быть, и десятки) томов, поскольку на сегодняшний день никто, кажется, не знает о Победоносцеве больше Полунова. Но это лишило бы автора и читателя возможности увидеть целостный портрет государственного деятеля: в многотомном исследо-

³⁷ ОР РНБ, ф. 1004, д. 19, л. 45.

³⁸ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 18, л. 205.

вании он неизбежно рассыпался бы на множество сюжетов и эпизодов, которые нельзя было бы одновременно удерживать в памяти. Работая над книгой, историку пришлось провести самый тщательный отбор материала, оставляя в тексте лишь самое существенное, характерное и характеристичное. В результате ему удалось достичь редкой ёмкости выражений и соразмерности отдельных разделов и глав. Но именно поэтому в книге многого нет, и её ни в коем случае не следует считать исчерпывающей, хотя она и является совершенно необходимой для дальнейшего изучения взглядов и деятельности Победоносцева. Естественным и крайне важным её продолжением была бы книга «К.П. Победоносцев и его современники», в которой можно было бы в деталях осветить извилистую историю его взаимоотношений со своими сотрудниками и противниками. Вышедшая недавно монография О.Л. Фетисенко свидетельствует о возможностях и исключительной ценности подобных исследований³⁹.

Дмитрий Андреев: Победоносцеву был органически присущ морально-этический максимализм

Как и любое биографическое исследование, монография А.Ю. Полунова является многоплановой. В центре внимания историка находится всё, что касается мировоззрения К.П. Победоносцева, тогда как его государственная деятельность и политическая программа отступают уже на второй и третий планы (с. 24–26). Можно без преувеличения сказать, что эта книга, по сути, вообще первая в историографии работа, в которой деятельность Победоносцева оценивается прежде всего с точки зрения её соответствия его убеждениям и взглядам.

Для Константина Петровича принципы и ценностные ориентиры значили неизмеримо больше, нежели для многих его современников, обладавших сопоставимым статусом и положением. Непробиваемая реакционность некоторых из них не мешала им действовать в соответствии со сложившейся конъюнктурой, зачастую абсолютно беспринципно. Победоносцеву же, как считает автор, был органически присущ морально-этический максимализм. И если рассматривать перипетии его политической биографии с точки зрения такого максимализма (а не просто упёртого консерватизма), то различные, и даже весьма существенные, события его жизни могут получить совершенно новое освещение. Например, мотивы поддержки им министра внутренних дел гр. Н.П. Игнатъева (по словам исследователя, «не до конца понятые историками и современниками»). Полунов виртуозно «закольцовывает» историю этого яркого, но непродолжительного тандема. Его возникновение историк объясняет «определённой идеологической близостью» Победоносцева и Игнатъева. А отставку министра, во многом инспирированную как раз обер-прокурором Св. Синода, автор связывает с тем, что они разошлись во взглядах на то, в какой степени допустимо использовать славянофильские идеи в правительственной политике (с. 179–182).

Следует сказать и о другом чрезвычайно важном авторском наблюдении, заставляющем кардинально пересмотреть «школьное» представление о Победоносцеве как об одном из идейных столпов политики контрреформ. Когда дело доходило до «конкретных мер по пересмотру законодательства» эпохи Великих реформ, он совершенно неожиданно начинал демонстрировать «скептицизм» и «осторожность». Полунов видит в этом приверженность принципу, впервые чётко высказанному Н.М. Карамзиным: «Теперь всего нужнее люди»⁴⁰. Автор считает, что «своеобразный подход» обер-прокурора Св. Синода к контрреформам был обусловлен неукоснительным следованием установке «люди, а не учреждения»: он опасался «всякого волевого вмешательства в

³⁹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012.

⁴⁰ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 99.

сложившийся общественный уклад» и испытывал «недоверие к внешним (административно-законодательным) переустройствам» (с. 287, 289). Так, даже повышенное внимание правительства при Александре III и Николае II к нуждам дворянства, всё более погружавшегося в состояние глубокого кризиса, вызывало у Победоносцева «настороженное отношение» вследствие явной несовместимости «продворянской направленности» контрреформ с его верой в «надсловный характер самодержавия» (с. 290). Такая позиция предопределила идейное одиночество главы духовного ведомства, сделала его чужим не только для либералов, но и для консерваторов (с. 291). В связи с этим исключительно значимым представляется вывод автора о том, что, вопреки оценкам современников и устоявшимся историографическим трактовкам, регулярное вмешательство Победоносцева в дела других ведомств было обусловлено не его властолюбием или карьеризмом, а всего лишь стремлением придать самодержавию «неформальный» и «живой» характер (с. 196).

К началу XX в. всё это не могло не сказаться на психологическом состоянии обер-прокурора Св. Синода. «Сознавая своё бессилие остановить раздражавшие его процессы, – пишет Полунов, – глава духовного ведомства дал волю пессимизму и цинизму, ужасавшему современников». При этом он ссылается на слова Победоносцева («Кто нынче не подлец», «Всё равно кого назначить: один – мерзавец, другой – дурак»⁴¹), приведённые в воспоминаниях кн. В.П. Мещерского и вел. кн. Александра Михайловича, хотя тенденциозность обоих мемуаристов и сомнительность приводимых ими фактов общеизвестны (с. 306). К тому же вообще вряд ли корректно применительно к Победоносцеву говорить одновременно о «пессимизме и цинизме». Да, пессимизм – особенно на закате его карьеры – у Константина Петровича хватало. Об этом свидетельствуют и его письма к С.А. Рачинскому и О.А. Новиковой, и воспоминания сравнительно более надёжных мемуаристов – В.В. Розанова и Е.М. Феоктистова. Человек, произносивший мрачные пророчества и фактически отказывавший своей стране в праве на будущее, возможно, был «бюрократический нигилист», «отрицатель», «скептик», но всё же никак не «циник» (с. 306–307). Научная – буквально революционная – новизна книги вкупе со свойственной её автору оценочной щепетильностью, как представляется, обязывают досконально выверять каждый вывод.

Летом 1905 г. на Петергофских совещаниях, по словам Полунова, «в полной мере проявились присущий обер-прокурору цинизм, охватившее его чувство безнадежности». Впрочем, буквально в следующем абзаце историк пишет уже о «показном цинизме» Победоносцева, пытавшегося на тех же Петергофских совещаниях «сохранить в системе государственного управления максимум элементов неограниченного самодержавия и минимизировать последствия введения представительства» (с. 334). Между тем книга мастерски убеждает в том, что главе духовного ведомства была свойственна потрясающая и нетипичная для людей его круга мировоззренческая цельность. И трудно поверить в то, что на восьмом десятке человек способен в одночасье превратиться в нечто диаметрально противоположное тому, чем он являлся на протяжении всей своей жизни. Проще предположить, что цинизм обер-прокурора Св. Синода был всё-таки показным и даже необходимым для отчаянной борьбы в среде собравшегося в летней императорской резиденции высшего чиновничества, или деморализованного произошедшими за последние полгода потрясениями, или предвкушавшего возможность половить рыбку в мутной воде.

Заслуживает внимания и то, как освещается в монографии составление манифеста 29 апреля 1881 г. «О незаблестности самодержавия». Полунов видит в нём выражение продуманной Победоносцевым программы морально-нравственного оздоровления общества, предусматривавшей приоритет не институциональных реформ, а воспитательных и просветительских начинаний. Неслучайно в «позитивной» части манифеста говорилось о необходимости сосредоточиться прежде всего на исправле-

⁴¹ Так он будто бы ответил Николаю II, когда тот спросил его мнение о кандидатах на пост министра внутренних дел В.К. Плеве и Д.С. Сипягине.

нии нравственных основ общества, именно в этом смысле упоминалось о «водворении порядка и правды в деятельности учреждений» (с. 176–178). Принимая в расчёт особый ценностно-мировоззренческий склад Победоносцева и его нескрываемое неприятие стиля жизни столичного сановного мира, следует, безусловно, согласиться с таким объяснением. Однако едва ли он не думал и о том, чтобы, воспользовавшись случаем, раз и навсегда положить конец пагубным мечтаниям об «увенчании здания», а также разделаться с политическими противниками. Впоследствии, сравнивая начало царствования Николая II с 1881 г., Победоносцев (болезненно реагировавший на знаки внимания со стороны молодого императора к прежним сотрудникам М.Т. Лорис-Меликова) прямо заявил о необходимости «твёрдого царского слова», «дабы успокоить смуту». Как отмечает Полунов, речь Николая II о «бессмысленных мечтаниях», прозвучавшая 17 января 1895 г. в Зимнем дворце, явилась «своеобразной реинкарнацией» манифеста «О незыблемости самодержавия» (с. 297). По-видимому, и в апреле 1881 г. обер-прокурор Св. Синода руководствовался всё же не одними дидактическими побуждениями.

Пристальное внимание Победоносцева к «личностному» фактору и «подбору достойных кандидатов на правительственные посты в противовес преобразованию административных институтов» (с. 343) не вызывает сомнений. Но вряд ли следует абсолютизировать его «антибюрократизм». Неоднозначность занятой им позиции в полной мере проявилась в его отношении к попытке Сипягина, главноуправляющего Канцелярии его императорского величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, существенно расширить полномочия данного органа. Настаивая на необходимости борьбы с чиновничьим «средостением», Сипягин в 1898 г. представил на рассмотрение Государственного совета проект, согласно которому Канцелярия прошений приобрела бы значение своеобразного посредника между самодержцем и правительством в делах, касавшихся «приёма всех обращённых к монарху всеподданнейших ходатайств». Предложения эти были встречены в штыки практически всеми представителями высшей бюрократии, в том числе и Победоносцевым. В случае осуществления намеченной Сипягиным реформы, полагал он, «нельзя будет сказать, как значится в наших Основных законах, что Российская империя есть государство, управляемое на основании законов»: «Россию придётся приравнять к Турции и другим азиатским деспотиям». В своём официальном отзыве Победоносцев писал, что проект, предоставлявший Сипягину «звание верховного, неограниченного и безответственно-судии над всеми министрами», «повергает небывалому колебанию» «на законе основанное здание гражданского устройства России». Как считал специально изучавший эту историю А.В. Ремнёв, преобразование Канцелярии прошений было отвергнуто во многом именно благодаря усилиям Победоносцева, в котором «юрист и бюрократ восторжествовал над монархистом»⁴². Может быть, это утверждение чересчур прямолинейно (ведь, в конечном счёте, речь шла о перераспределении полномочий между различными учреждениями, тогда как Победоносцев дорожил именно неинституционализированными отношениями и каналами влияния), но следует признать, что в 1898 г. обер-прокурор Св. Синода отстаивал те самые бюрократические порядки, которые так резко обличались им в его письмах.

По словам Полунова, в первые годы царствования Николая II Победоносцев «стремился выполнять роль неформального объединяющего центра в правительстве» (с. 298). Можно сказать даже более определённо: он действительно играл эту роль. Исследователь приводит многочисленные факты, подтверждающие исключительное положение главы духовного ведомства в конце 1894–1896 гг. Пытаясь объяснить его, Полунов пишет, что Николай II испытывал особое почтение к своему наставнику, поскольку тот являлся «многолетним сотрудником» Александра III, а молодой император придавал большое значение преемственности политики и дорожил сотрудничеством с

⁴² Ремнёв А.В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. Омск, 1998. С. 28–31.

людьми из ближайшего окружения отца. К тому же он желал опираться на деятелей, придерживавшихся разных взглядов, и мог видеть в Победоносцеве «противовес» «реальным или потенциальным либеральным тенденциям в верхах» (с. 296). Не отрицая справедливость этих суждений, нужно учесть ещё одно обстоятельство, являвшееся едва ли не основным: Победоносцев был первым из государственных деятелей, кто в апреле 1894 г. открыто поддержал помолвку цесаревича Николая Александровича с принцессой Алисой Гессенской⁴³. Наследник престола, который на протяжении всей последующей жизни обращался со своими приближёнными, во многом руководствуясь тем, как они относились к его жене, не забыл этого поступка. Скорее всего, именно с этим было связано особое доверие и расположение Николая II к Победоносцеву и заметное укрепление его позиций после кончины Александра III.

Кстати, автор вслед за Ю.Б. Соловьёвым связывает записку о самодержавии, поданную обер-прокурором Св. Синода императору в январе 1895 г., с речью Николая II о «бессмысленных мечтаниях». Признавая взаимосвязь обоих текстов, необходимо указать на одну особенность, ускользнувшую от внимания и Соловьёва, и Полунова. Записка была написана по-французски. Данное обстоятельство, а также само содержание записки, в которой доказывалось, что самодержавие является единственной возможной в России формой правления, позволяют предположить, что она предназначалась именно для молодой императрицы. На понятном для неё языке обер-прокурор Св. Синода должен был объяснить Александре Фёдоровне основы государственного устройства той страны, в которой ей предстояло царствовать. Иначе трудно понять, зачем в этом надо было убеждать императора, да ещё по-французски? К тому же на сегодняшний день не известно ни одного документа, написанного Победоносцевым для Николая II на французском языке.

Полунов обстоятельно систематизирует имеющиеся в историографии сведения о причастности Победоносцева к назначениям, состоявшимся в начале правления Николая II, и дополняет их новыми данными. В частности, он цитирует письмо, написанное Победоносцевым Рачинскому 26 октября 1895 г., в котором обер-прокурор Св. Синода характеризовал И.Л. Горемыкина, ставшего по его рекомендации министром внутренних дел: «Первый в России знаток крестьянского дела и деревню знает не на бумаге только. Не принадлежит к числу канцелярских верхоглядов» (с. 298). В дальнейшем исследователь рассматривает неудачи выдвиженцев главы духовного ведомства (в частности, того же Горемыкина) как одну из существенных причин падения авторитета Победоносцева в глазах царя и ослабления его влияния в 1896 г. (с. 299–300). Однако справедливости ради следует сказать, что в 1895 г. выбор Горемыкина казался оптимальным не только Победоносцеву, но и людям, к политической ориентации которых обер-прокурор относился более чем настороженно. Так, 21 октября 1895 г. земский деятель Ф.Д. Самарин писал из Гурзуфа своему отцу, славянофилу Д.Ф. Самарину: «Горемыкин – человек, несомненно, деловой и хорошо знающий крестьянское дело... Что особенно хорошо, это – что он человек без связей в Петербурге и обязанный возвышением своим лично себе, а не выдвинутый какою-либо партией»⁴⁴.

На протяжении всей книги автор старается определить реальные, а не мифические (раздутые современниками и в таком виде воспринятые историками) политические возможности Победоносцева, пытается установить, насколько допустимо считать его российским «канцлером» или «визирем» (с. 25, 188). Без этого действительно невозможно «всестороннее осмысление его роли и места в правительстве последних самодержцев» (с. 10). По мнению Полунова, хотя при Александре III Победоносцев «оказывал значительное влияние на политику правительства, давая царю рекомендации по самым разным вопросам, воздействуя на подбор руководящих кадров», всё же считать главу духовного ведомства «неформальным премьер-министром» в то время «не со-

⁴³ См.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 119.

⁴⁴ ОР РГБ, ф. 265, карт. 153, д. 1, л. 77 об.

всем верно», поскольку в 1880-е гг. он уделял внимание преимущественно «ведомствам и учреждениям, связанным с вопросами идеологии и духовной жизни». В делах же «текущего управления, преобразования социальных и административных институтов» главная роль принадлежала министру внутренних дел гр. Д.А. Толстому, который «далеко не всегда» шёл «в фарватере политики обер-прокурора» (с. 222). К началу 1890-х гг. Победоносцев утратил и эти возможности, и лишь в самом начале царствования Николая II «сумел вновь укрепить свои позиции в верхах» (с. 338). Здесь, наверное, можно было бы сделать и более определённый вывод о принципиальной невозможности появления в условиях петровского бюрократического самодержавия (вплоть до фундаментального реформирования политического строя империи в 1905–1906 гг.) фигуры даже «неформального премьер-министра». Отдельные карьерные взлёты, которые позволяли претендовать на подобную роль, были непродолжительны (за исключением, пожалуй, А.А. Аракчеева) и неизменно заканчивались не менее стремительными падениями.

Как бы то ни было, после появления исследования А.Ю. Полунова писать о К.П. Победоносцеве по старинке уже нельзя. Более того, существенному переосмыслению должны подвергнуться и другие фигуры, события и тенденции политической истории России конца XIX – начала XX века.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым